

К. Буачидзе

ВОСЕМЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Комедия

К. БУАЧИДЗЕ

ВОСЕМЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

(Розовая вода)

Комедия в трех актах

Перевод с грузинского автора.

ЖЕНЩИНЫ:

Цагуна.

Елена.

Антиофа.

Марика.

МУЖЧИНЫ:

Гайоз.

Бердо.

Ясон.

Васико.

АКТ ПЕРВЫЙ

Первые два этажа большого дома. На каждом этаже – по две комнаты. Верхние – изолированные, нижние, кроме общего хода, имеют и внутреннюю дверь. С улицы через подъезд с узкой лестницей можно попасть и во двор.

Первый этаж целиком занимает Гайоз Арсенишвили – научный сотрудник Института психологии. Однако по скудости обстановки его квартира, скорее, напоминает жилье беззаботного студента: посреди левой комнаты – раскладушка, а в правой – хромоногий столик без скатерти, старый венский стул и нагроможденные друг на друга разноцветные чемоданы; по углам груды книг.

На втором этаже, в комнате слева, живет Елена – цветущая молодая женщина; у нее тесно от обилия вещей и множества фотографий; по соседству с ней – Антиофа Нинуа, женщина в годах, но еще сохранившая приятную наружность. Сквозь темные портьеры солнце с трудом проникает в ее обитель, стены которой увешаны театральными афишами; под потолком, в углу, висит обрамленный прутиками вербы образ божьей матери. Перед ним постоянно горит лампадка.

Елена, в строгом черном платье, натирает пол. Ее веселая песенка не доставляет удовольствия Гайозу Арсенишвили, он нетерпеливо шагает по комнатам, недовольно посматривая вверх. Антиофа, примостившись у круглого столика, пристально разглядывает ладонь юной Марики.

ЕЛЕНА (напевает).

Я с тобой, Аполлон, не затеяла бы спора,
Если б ты, Аполлон, не женился так скоро!
Аполлон, Аполлон,
Глупенький ты мой!
Ну, какой тебе резон –
Быть рабом одной?!
Все вокруг говорят: будет свадьба летом...
Ой, смотри, чтоб потом не жалеть об этом!
Аполлон, Аполлон,
Нет глупее бреда:
Целоваться лишь с одной –
Это не победа!

Ах, женитьба, Аполлон, — хоть зимой, хоть летом —
Это песенка любви лишь с одним куплетом...

Аполлон, Аполлон,
Глупенький ты мой!
Ну, какой тебе резон —
Быть рабом одной?!

ГАЙОЗ. Что там за медведь? Потолок трясется. И до чего противный голос! Виски ломит...

Перед домом появляется Ясон Дарабадзе — подвижной мужчина средних лет с потрепанным портфелем в руках.

ЯСОН (поднимаясь по лестнице, громко). Граждане! На жилищное строительство мы расходуете десятки миллиардов. И я, как представитель власти и государства, призываю вас беречь народное достояние. Укорачивая жизнь наших домов, мы тем самым укорачиваем и собственную жизнь. Не сорите, граждане! Не скоблите! Не ломайте! Не рисуйте в лифтах неприличные...

ЕЛЕНА (в дверях). Уважаемый Ясон! Сладкого яда не хотите?

ЯСОН. Чего-чего?

ЕЛЕНА. Отраву, сладкую. Только что получила. Из деревни. Крепленое вино!

ПИСКЛИВЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (этажом выше). Скажите, когда дадите воду?

НИЗКИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (откуда-то сверху). В самом деле! Дождемся ли мы воды?

ЯСОН. Без паники, граждане! Вода будет.

ХРИПЛЫЙ СТАРЧЕСКИЙ ГОЛОС. А лифт, лифт?

ЕЛЕНА (напевая, развешивает белье на балконе).

Зачем ты брови хмуришь?

Слеза бежит из глаз!

Все в жизни будет в ажуре,

Когда не будет нас!..

Ясон на секунду заглядывает в комнату Антиофы.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ГАЙОЗ (у окна). Возмутительно! Женские тряпки должны сушиться

в ванной, а не выставляться на всеобщее обозрение.

Входит ЯСОН.

ЯСОН. Можно? .

ГАЙОЗ. Сказать "нельзя" — поздно. Вы уже вошли.

ЯСОН. Точно. Но, поскольку весь дом еще вверх ногами стоит... К тому же я человек не совсем посторонний — почти что член вашей семьи...

ГАЙОЗ. Моей?! Вы?

ЯСОН (подчеркнуто). Духовный член! Я на площадь не претендую — и своей хватает. Управдом я. И как таковой поздравляю с новосельем и желаю, чтобы вам никогда, никогда не пришлось из этих дверей гроб выносить...

ГАЙОЗ. Что за пожелание?

ЯСОН. Человек — странное существо. Получив квартиру, он прежде всего спрашивает: где рынок? Близко ли остановка транспорта? Далеко ли аптека? Ателье мод? Парк культуры и отдыха?.. А вот где кладбище — подземный парк нашего вечного упокоения — этим он не интересуется.

ГАЙОЗ. И правильно делает. Зачем думать о смерти? Она не забудет нас — сама явится, без приглашения.

ЯСОН. Ох, не всегда. Если б эта зубастая старуха прибрала меня к себе, я бы ей в ножки поклонился. И так никакой жизни нет.. Сволочи! Три золотых зуба вытащили!

ГАЙОЗ. Что? Вырывали зубы, и вы не почувствовали?

ЯСОН. Из кармана... Золотой мост! Ехал к врачу... В трамвае..

ГАЙОЗ. Обидно!

ЯСОН (с поклоном). Спасибо за участие. Просить помощи тяжело и противно, но раз у вас большая радость... получить такую квартиру... Ну, взаимобразно... Верну в четверг... Нет, вру, — в пятницу... Хотя бы стоимость одного зуба.

ГАЙОЗ (неохотно шарит в карманах). Пожалуй, немножко у меня найдется... А сколько стоит один зуб? Золото, кажется, подешевело

ЯСОН. Что вы! Даже металлический лом подорожал.

ГАЙОЗ (протягивает деньги). Хватит?

ЯСОН (опять поклонился). Трижды спасибо! Выручили! (Положил портфель на стол, тот зашатался). О, сюда и бутылку поставить рисованно. Кстати, во втором корпусе... чью дверь не откроешь... вино льется рекой.

ГАЙОЗ. И у нас полетят, только... дайте немного очухаться.

ЯСОН. Пожалуйста, пожалуйста! (Изменив тон). Попрошу паспорта!

Гайоз протянул паспорт.

Это ваш... А супруги?

ГАЙОЗ. Суп... Жена еще не приходила. Думаю, скоро появится. Наверное, бродит по магазинам.

ЯСОН. Как вы сказали? Бродит? И у меня точно такая же. Отправил ее утром за хлебом к завтраку, домой только к обеду приползет. (Оглянулся). А покупать вам действительно нужно кое-что. Пока вы... не обижайтесь, как цыгане...

ГАЙОЗ. Что вещи... (Махнул рукой).

ЯСОН. Были бы деньги, а вещи хоть из музея привезут. Вы, оказывается, ученый. Дочка говорила... У вашего брата денег — куры не клюют.

ГАЙОЗ. И об этом вам дочь поведала?

ЯСОН. Где там! Что она в жизни смыслит? (Вдруг вспыхив). Не осуждайте, зятя-голодранца и на порог не пущу. Хватит с меня! всю жизнь трясусь в автобусе. Дайте и мне семейный автомобиль! Черт подери! Ведь дочь у меня, дай бог...

ГАЙОЗ (со скрытой иронией). Само совершенство?

ЯСОН. Попади она в Европу — каждый бросится к глобусу: где она, родина таких красоток! (Зовет, устремив взгляд в потолок). Мари-ика!

МАРИКА (из комнаты Антиофы). Что, папа?

ЯСОН. Спустись на минутку. (Гайозу). А вдруг не понравится, а? Не корите — отец я...

МАРИКА (входя). Ты звал меня? (Увидев Гайоза, смутилась). З... здравствуйте.

ЯСОН. Ну, что она?

МАРИКА. Ей запрещено гадать. Но на мою ладонь все же взглянула. Мельком...

ГАЙОЗ. Простите, надо мной живет ворожея?

ЯСОН. Да еще какая! Городская знаменитость. Антиофа Нинуа!

ГАЙОЗ. Но она же, помнится, промышляла в старом городе?

ЯСОН. Теперь перебралась сюда. Были бы деньги!...

ГАЙОЗ (Марике). Вы... работаете? Или учитесь?

МАРИКА. Учусь. В университете.

ГАЙОЗ. Как же так? Студентка, и верите в какую-то дурацкую ворожбу?

МАРИКА. Извините... Антиофа Нинуа... Это вам не какая-нибудь рыночная гадалка... "Красавец, красавица! Яхонтовая! Дай погадаю, дай погадаю..." Антиофа — оракул и маг. Знаешь, папа, меня ожидает блестящее будущее. (Показывает на ладонь). Видишь, вот эти линии — предсказывают...

ЯСОН (посмотрев на потолок). Молодец, старушенция! Я так и знал. Ну, теперь гляди в оба, доченька. Один глупый шаг — и счастливое будущее потонет в пучине слез. Предостерегаю, в присутствии этой уважаемой личности предостерегаю: увижу тебя в обществе голоштанников — руки-ноги повывергиваю. Так и знай! (Гайозу). Вы не представляете, какой камень на шее — дочь на выданье! Красива она — тяжело вдвойне, а некрасива... хоть в пропасть бросайся. Всего вам доброго! Зайду утром, а за помощь — еще раз благодарствую.

Отец с дочерью выходят на улицу.

(Кричит вверх). Граждане-товарищи! Не заводите домашних животных! Помните мудрую пословицу: кто соседей рассорил? Собаки да кошки. Тех, кто любит зверей, прошу в зоопарк!

МАРИКА. Кричишь, как филин. Сразу видно — лесником работал. стыдно идти рядом.

ЯСОН. Что ж, по-твоему, бегать мне с радикулитом вверх и вниз? Я и отсюда покричу. Гм! стыдно ей!.. Подумай лучше, как избавить родителей от паршивой жизни. Ты уже не маленькая. Образованней любой кухарки. Даже повара.

МАРИКА. При чем тут повар, кухарка?

ЯСОН. Сказано — каждая кухарка должна управлять государством. А ты... чем ты хуже этой самой кухарки? Почему ты не должна управлять государством?

Марика и Ясон удаляются.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

Стучат.

ГАЙОЗ. Да-да!

С корзиной цветов входит Бердо Цваришвили – мужчина не первой молодости.

БЕРДО. Не скажете, где живет Елена Копалейшвили? Врач! Беленькая такая, не замужем. Ей дали квартиру, здесь где-то.

ГАЙОЗ. К сожалению, мои познания на этот счет пока весьма невелики. Знаю только, этажом выше проживает Антиофа Нинуа.

БЕРДО. Нинуа?! Очень вам благодарен. Она-то не может не знать. (Уходит).

КОМНАТА АНТИОФЫ

Стук в дверь.

АНТИОФА. Войдите!

БЕРДО (входит). Добрый вечер, сударыня.

АНТИОФА (увидев корзину). Что это? Унесите обратно. Милиция взяла с меня подписку...

БЕРДО. Какой позор! Лучше занялась бы хулиганами!

АНТИОФА. Хулиганы людям не морочат головы, они только проламывают им черепа, а я...

БЕРДО. О! Вы друг народа! Вы – Марат! Надеюсь, поможете и мне. Я ищу Елену Копалейшвили.

АНТИОФА. Беленькая такая... Врач.

БЕРДО. Да-да! Кажется, по внутренним болезням. Не замужем, это уж точно.

Антиофа деловито стучит в стену.

Входит Елена.

ЕЛЕНА (увидев Бердо, вскрикивает). И здесь меня разыскали?

БЕРДО (с пафосом). "Я умереть пришел у ног твоих..."

АНТИОФА. Вы... простите, Бердо Цваришвили?

БЕРДО. Как вы угадали?

АНТИОФА. Я поклонница вашей музыки. (С чувством).

Вспоминаю в мечтах
 То время счастливое,
 Когда мальчуганом
 Бегал по лужам...

Бывало, встретишь петуха спесивого
 И дрожишь
 От восторга и ужаса.

БЕРДО. Боже мой! Есть ли лучшая награда для поэта? В незна-
 комом доме вдруг угощают тебя твоими же стихами!

(Целует Антиофе руку).

АНТИОФА (взглянув на его ладонь). О-о, у вас намечаются ли-
 нии трагической судьбы!

ЕЛЕНА. Видите? Теперь-то уж, надеюсь, вы оставите меня в
 покое. Поймите, я приношу одни несчастья. Меня казнить надо.

БЕРДО. Целовать вас надо.

Елена, махнув рукой, уходит в свою комнату.

Извините... (Захватив корзинку, спешит за Еленой).

КОМНАТА ЕЛЕНА

ЕЛЕНА (указывая на цветы). Ну зачем это вы?

БЕРДО. Конечно, на новоселье дарят ценную вещь. Ничего под-
 ходящего не нашел. В другой раз...

ЕЛЕНА. Как? Вы собираетесь снова тащиться в такую даль?

БЕРДО. Когда любишь, и край света кажется под боком.

ЕЛЕНА. Вы всем женщинам говорите одно и то же.

БЕРДО. Но не с одинаковым чувством.

Елена вбивает гвоздь в стенку.

Позвольте! Это не женское дело.

ЕЛЕНА. Так трудно вбить гвоздь в бетон!

БЕРДО. Что бетон... для меня? Тесто для блинов. (Размахнув-
 шись, с силой ударил себя по пальцу). Ой, мама!..

ЕЛЕНА. Так и знала - не миновать вам беды. (Достала бинт).
 Дайте, перевяжу. Так размахнуться... Вы что, палец приняли за
 гвоздь?

БЕРДО (серьезно). Нет.

ЕЛЕНА. Смотрите, вот как молоток держать надо... (Забивает; вдруг на весь дом раздается оглушительный грохот).

ГАЙОЗ (в своей комнате). Что такое? Кто это там дом разносит? (Стучит палкой в потолок). Эй, вы!

ЕЛЕНА (в пол). Да-да!

ГАЙОЗ. И под вами живут люди!

ЕЛЕНА (ирония). Разве? А я думала, весь дом дали мне одной.

ГАЙОЗ. И вы решили обрушить потолок мне на голову?

ЕЛЕНА. Какой потолок? Как это обрушить? (Бердо). Спустишь посмотрю, что за экземпляр? (Выходит).

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ГАЙОЗ. И того хватает, что закрыла мне небо. Гм! Вывесила свои разноцветные комбинашки, словно флаги международного кинофестиваля.

ЕЛЕНА (постучав, входит). Можно?... Здравствуйте.

ГАЙОЗ. Здрав...мм... Так это вы?

ЕЛЕНА. И я собиралась то же самое спросить. Думала, вздорный скандалист, и вдруг... Извините, обидел господь, не хватает у меня фантазии.

ГАЙОЗ. Поневоле станешь скандалистом, когда отнимают покой.

ЕЛЕНА. Это я... у вас... покой...

ГАЙОЗ. Вот бы не подумал, — оказывается, вы женщина, и довольно хрупкая, а маршируете, как рота солдат. Чем у вас туфли подкованы? Да еще кувалдой орудуете! Штукатурка и сейчас сверху сылется.

ЕЛЕНА (спокойно). Жаль, что наше знакомство началось с ссоры. Без всякой к тому причины... (Показывает молоточек). По-вашему, это кувалда? Мы с гостем вколачивали гвоздик. И он даже тяпнул себя по пальцу.

ГАЙОЗ. Вы... Копалейшвили?

ЕЛЕНА. Откуда вы знаете?

ГАЙОЗ. Тут вас недавно мужчина спрашивал. Не знал, что вы надо мной живете.

ЕЛЕНА. А вдруг и меня спросят, кто живет подо мной? Как мне ответить, если это не секрет?

ГАЙОЗ. Нет, совсем не секрет. Арсенишвили, Гайоз.

ЕЛЕНА. Дай бог, чтобы вам никогда не понадобились мои услуги, но на всякий случай запомните – я врач... Точнее, патолого-анатом.

ГАЙОЗ. То есть... что вы лечите?

ЕЛЕНА. Я не лечу. Я вскрываю трупы. Так сказать, с научной целью. По какой причине наступила смерть.

ГАЙОЗ. Мм... Заранее благодарю. Очень!.. А я... Не думаю, что я когда-нибудь вам понадоблюсь, но все-таки... Я психолог.

ЕЛЕНА. Боже, какой букет! В одном подъезде такое удивительное сочетание: хиромантка, психиатр...

ГАЙОЗ. Не психиатр я, – психолог!

ЕЛЕНА. Простите... Психолог, хиромантка, атеист... Да не простой атеист, – воинствующий безбожник!..

Смеркается. Гайоз включает сиротливо свисающую с потолка лампочку. Откуда-то доносится бой часов: бьют семь раз...

ГАЙОЗ. Приятный тембр. Словно орган. Ваши?

ЕЛЕНА. Нет. Это на пятом этаже. В квартире лектора по атеизму. Говорят, получил в наследство от отца – проповедника слова божьего. Когда-то первые комсомольцы, привязав беднягу к дереву, насильно расстригли, так он с горя купил старинные часы – бой напоминал ему церковный перезвон: "дзинь-дон, дзинь-дон..." А ныне у его отпрыска этот "дзинь-дон" никаких религиозных ассоциаций не вызывает, – скорее всего, ему слышатся слова из "Интернационала": "Кто был ничем, тот станет всем..." Он-то действительно стал всем благодаря своему богохульству. Да! Жизнь шагнула далеко вперед. И если мои робкие шаги кажутся вам маршем танковых войск – все по той же причине, уверяю вас.

Где-то чихнули.

(Вверх). Будьте здоровы до второго пришествия!

ГАЙОЗ. С кем это вы... переговариваетесь?

ЕЛЕНА. Старик с седьмого этажа. Грузчики запросили почти что годовую пенсию. И он, бедненький, сам перевез свой скарб. Вспотел и захворал.

ГАЙОЗ. Мда... Я, кажется, зря на вас напал. Простите.

ЕЛЕНА. Я рада, что этот мелкий инцидент не перерос в крупную неприятность. Кто знает, может, нам суждено прожить в этом доме много-много лет и при всем желании не избежать встреч: то на лестнице столкнемся, то в булочной, то на улице... И если каждый раз будем с ненавистью отводить глаза, ой, знаете, как быстро состаримся!

ГАЙОЗ. Вы правы. Не столько годы старят человека, сколько злоба.

ЕЛЕНА. С вашего разрешения... Можно?

ГАЙОЗ. Пожалуйста!

ЕЛЕНА. Нет, я не вам... (Говорит в потолок). Уважаемый Бердо! Гоните скуку! Я скоро... (Гайозу). Теперь я, знаете, как буду ходить? В войлочных тапочках, легко-легко, как бабочка.

ГАЙОЗ. Но у бабочек, по-моему, нет нижних конечностей.

ЕЛЕНА. Тогда буду ползать, как гусеница. Она, кажется, состоит из одних нижних конечностей.

ГАЙОЗ. Прошу, не стесняйтесь себя.

ЕЛЕНА. Нет, я же понимаю, вы ученый. Мудрые мысли — это плоды тишины и уединения. Только квартира у вас такая большая! Вы, по-видимому, не будете жить в ней, как сыч. Дети, жена...

ГАЙОЗ. У меня нет детей.

ЕЛЕНА. Ах, вы бездетный?

ГАЙОЗ. Э-э... Не совсем... То есть бездетный... Впрочем, не такой уж бездетный... Видите ли, я женился совсем недавно.

ЕЛЕНА. Первый брак?

ГАЙОЗ. Мм... Первый.

ЕЛЕНА. Поздновато женились... Упрекаю как врач. Только как врач! Рано вставать и рано жениться — это, знаете, очень...

ГАЙОЗ. Знаю: это очень хорошо, но не всем удастся.

ЕЛЕНА. В том-то и дело! А надо! С годами появляются колебания, сомнения. И уже не все женщины кажутся представительницами прекрасного пола. Начинаете присматриваться, выбирать... А время летит! Неумолимо! Тридцать, оглянуться не успел... и уже сорок! Глаза поблекли, волосы поредели, и сердце дает знать, где оно находится.

ГАЙОЗ (указывая на белье). Ваше?

ЕЛЕНА. А что? Затемняет вам комнату?

ГАЙОЗ. Нет... Я так... Насколько гигиенично... Уличная пыль.

С правой стороны сцены показывается Цагуна. Она разглядывает дом и, увидев в окне Гайоза, направляется в подъезд; постучав в дверь, входит.

(Сдержанно) О...

ЕЛЕНА. Кого я вижу? Как вы сюда попали? Вы ко мне? Как давление?

ЦАГУНА. Спасибо. Нормальное. А вы... здесь... как очутились? Так далеко...

ЕЛЕНА. Далеко, но зато... И мне досталось наконец гнездышко. Со всеми удобствами! Не хотите посмотреть? Поднимемся.

ЦАГУНА. К вам? Я... я пришла... мм...

ЕЛЕНА. А-а, вы дружите, наверно, с женой уважаемого... (Жест в сторону Гайоза). А хозяйки дома нет!

ГАЙОЗ. (видит, что Цагуна смущена). Дома, дома! Она сама... хозяйка.

ЕЛЕНА. Да ну?! Вышли замуж? Поздравляю! (Целует ее). Так неожиданно, совершенно тайно... Ну и прекрасно! Поспешный брак иной раз оказывается наиболее прочным.

ЦАГУНА. А вы все еще в трауре?

ЕЛЕНА. Не говорите! (Со вздохом). Мою колыбель, не иначе как злой дух качал. Ну, в чем я провинилась? За что бог взвалил мне на душу три жизни? Ну, если у меня недобрый глаз, то пусть приберет меня к себе поскорее. Ведь я могу еще сглазить кого-нибудь!

ЦАГУНА. А кто был третий? Я его знаю?

ЕЛЕНА. Вряд ли. Такой был хороший... Инженер-строитель. У него цемента и извести - хоть завались! И собственная машина. Накануне свадьбы решили мы прокатиться за город, подышать осенним воздухом. Кто знал, что это его последняя... (Махнув рукой). Хоть бы рюмочку опрокинул - трезв был совершенно! И, однако... на спуске машина вдруг заартачилась и перевернулась. Еще раз перевернулась. И еще... Я и мизинца не оцарапала, а он, несчастный, испустил дух, как зяблик. Разрыв сердца. От испуга. А мне, знаете, когда страшно стало? Когда выкарабкалась из машины и бояться уже было нечего.

ЦАГУНА. Рука судьбы. А говорят, будто нет ее.

ЕЛЕНА. Есть она, треклятая... О, знали бы вы, как я его оплакивала! Сорок дней ни к пудре, ни к помаде не прикасалась. А в трауре, как видите, по сей день хожу!

Стук. Дверь приоткрыл Васико Киркитадзе.

ВАСИКО. (в дверях). Извините за беспокойство... Я студент второго курса физико-математического факультета Василь Киркитадзе. (Делает несколько шагов вперед, увереннее). Вот, пожалуйста, студенческий билет, а это — комсомольский... (С апломбом). Уже тот факт, что я комсомолец, сам по себе говорит о моей кристальной честности... Но, несмотря на это, в данный момент, в эту самую минуту (чуть не плача) я даже не знаю, где переночевать: в два часа дня меня попросили из общежития. Поверьте, я порядочный молодой человек. (Достал из кармана газету). Меня вся страна знает! Однажды в троллейбусе я нашел зонт и тут же вернул хозяйке. Пожилой женщине, которая уже собиралась сойти... Обратите внимание: она со-би-ра-лась сойти! И... по-жи-лая женщина!.. Ведь я легко мог присвоить находку, но нет! Я забил тревогу, — "Люди! Чей этот зонтик?!" (Прочувствованно). И мой благородный поступок не остался незамеченным нашей объективной, неподкупной прессой... (Со слезами в голосе). И такого человека выгоняют из общежития!.. (Всхлипывая). Где логика? Где справедливость? За что?

ГАЙОЗ. И в самом деле, за что?

ВАСИКО. (чистосердечно). Я подрался! Впервые в жизни, и... не буду скрывать: избил же меня самого. Меня же и выставили. (С гордостью). Дрался я на романической почве. Простите меня, но оскорбить мою невесту не позволил бы и вам. (Смущенно). Вы, наверно, удивлены, что у меня есть невеста. Но, понимаете, я рос в деревне, а там всегда рано женились — мол, подрастет первенец и поможет пахать и мотыжить. А теперь все бегут от мотыги и от земли, как от чумы и землетрясения, вместе взятых! И я бежал сломя голову, и здесь, в городе... Но что делать, мы полюбили друг друга, и, если это преступление, накажите нас. Только не оставляйте меня под открытым небом! Сдайте хоть уголок. Задаток... пожалуйста! (Полез в карман).

ГАЙОЗ (в раздумье). Мда...

ВАСИКО. У вас, я вижу, две комнаты. Да еще лоджия. У-у, как просторно!

ЕЛЕНА. И все-таки, к сожалению, тебе нельзя жить здесь. Тут обитают молодожены.

ВАСИКО. Ну и что ж! Я вашему супружескому счастью, ей-богу, не помешаю. Приткнусь где-нибудь, как котенок.

ГАЙОЗ. Котята любят почивать на подушках. А у нас она единственная. Уступить ее вам?

ЕЛЕНА. Я взяла бы его к себе, но вот беда: живу одна.

ВАСИКО. Постойте... Я, кажется, не совсем тупица, но логики вашей не пойму: здесь нельзя, потому что их двое, а у вас... потому, что вы - одни. Впрочем, все понятно. За теплое отношение ко мне я все же не пожелаю вам неприятных сновидений, - спокойной ночи! (Быстро уходит. На лестнице встречается с Марикой).

МАРИКА. Ну, как?

ВАСИКО. У-ух, буржуи советские! Сами расположились в сто-метровых квартирах... А послушать их на трибуне... "Человек человеку друг и брат..."

МАРИКА. Что поделаешь, вернись обратно.

ВАСИКО. Ни за что! Я под лестницей ночевать буду, но туда... нет и нет! Да у меня еще не все надежды потеряны. Пока всего двадцать квартир обошел. (Со стоном). Знаешь, как я тебя люблю?

МАРИКА. Знаю.

ВАСИКО. Ну, раз знаешь, дай поцелую. (Умоляюще). Всего разочек! Хоть разочек! (Обнял ее).

МАРИКА (вырвалась). Вот еще! Отец сюда в день сто раз заходит. И сегодня еще грозился: "Чтоб я не видел тебя с сопляками!"

ВАСИКО. А почему он должен меня принимать за сопляка?

МАРИКА. А за кого же он тебя примет? Ты даже не доцент, и машины у тебя нет, и денег тоже... Одни "хвосты" - вот все твое достояние.

ВАСИКО. "Хвосты" у меня от любви к тебе. Я не могу и учиться и любить одновременно. Я не Цезарь! Я всего-навсего несчастный студент без стипендии.

МАРИКА. А зачем тогда винить моего папу? Не желает он в зятя студента, да еще без стипендии. Он столько надежд на меня

возлагает! Все твердит: вступай в общество "Друг леса".

ВАСИКО. Ну и правильно! И мне надо вступить. Определят тебя на высокое-высокое дерево... то есть... прости, должность. Ну, а если не справишься и, не дай бог, попросят спуститься вниз, — все равно без куска хлеба не оставят — опять же пошлют на руководящую работу... Только теперь уже в глубь леса.

МАРИКА. (увидев кого-то за сценой, испуганно). Папа... Я побежала. (Обернулась). Не ходи так нараспашку. Еще апрель. Застегнись. На все пуговицы! (Целует его и убегает).

ВАСИКО. Поцелуй — и тот краденый!.. И это называется счастливая молодость! (Швырнул газету, но тотчас же подобрал). Дурак я! Сколько раз еще может пригодиться. (Поднимается по лестнице; немного погодя мы его видим в комнате Елены перед Бердо).

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ЕЛЕНА. Как я заболталась! Меня ведь ждет такой почтенный гость! (Цагуне). Вы не знакомы с Бердо Цваришвили?

ЦАГУНА (улыбнувшись). Мы познакомились когда-то, и довольно оригинально. А потом оказалось — не я его интересовала, а моя хорошенькая подружка.

ГАЙОЗ. И вы послужили ему трамплином?

ЦАГУНА. Вроде того.

КОМНАТА ЕЛЕНЫ

ВАСИКО (продолжая скороговоркой). ...Теперь все так бегут от мотыги, как от оспы и от чумы, вместе взятых. И я бежал сломя голову... Мы полюбили друг друга... Если это преступление — накажите, но не оставляйте меня под дождем. Сдайте хоть какой-нибудь закуток! Уплатить готов вперед... (Полез в карман).

БЕРДО. Видишь ли, друг мой, в этом доме я сам гость.

ВАСИКО (недоверчиво). Гость?! Все мы гости на этой грешной земле. (Опрометью выбегает, и, наверно, это он стучится сейчас в дверь Антиофы).

КОМНАТА АНТИОФЫ

АНТИОФА. Кто там?

ВАСИКО (входит, устало). Извините за беспокойство... Я студент второго курса физико-математического...

Свет на втором этаже гаснет.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ЕЛЕНА. Замужество нам, незамужним, кажется сущим раем. Не так ли это?

Цагуна медлит с ответом. Часы бьют один раз.

Ах, простите... Мне давно пора. Доброй ночи! Желаю счастливо провести ее в новом доме! И чтоб вся ваша жизнь была непрерывным и бесконечным медовым месяцем! (Уходит).

ГАЙОЗ. Почему вы ее не поблагодарили?

ЦАГУНА. Это же вам пожелали счастья.

ГАЙОЗ. Нам обоим.

ЦАГУНА. А благодарить все-таки следовало вам — вы глава семьи.

ГАЙОЗ. Ничего себе глава! В этой "семье" я оказался впервые.

ЦАГУНА (заметив среди книг зеркальце, украдкой заглянула в него и положила обратно. Осматривается.). Это... вся мебель?

ГАЙОЗ. Считаете — мало?

ЦАГУНА. Нн... нет... Конечно, человек не должен быть рабом деревяшек и стекляшек. И пузатого комода.

ГАЙОЗ. Что же, он должен, как Диоген, жить в бочке?

ЦАГУНА. А кто вас заставлял?

ГАЙОЗ. Где я мог поставить, ну, скажем, диван-кровать? На собственной голове, что ли? В той конуре и сам с трудом мог вернуться.

ЦАГУНА. А теперь? Такие комнаты! И лоджия.

ГАЙОЗ. Очень мне теперь нужна лоджия! Две трети жизни уже позади.

ЦАГУНА. Почему две трети? Вы собираетесь жить всего шестьдесят лет? А говорят, после этого юбилейного рубежа жизнь становится еще слаще. Сидишь себе на лавочке и греешься на солнышке. И ничто уже тебя не тревожит. Ни шелест женских платьев,

и девичий смех...

ГАЙОЗ. Признаться, шелест ваших юбок давно меня не волнует.

ЦАГУНА. В таком случае примите мои соболезнования. Когда мужчина перестает думать о женщинах – ему капут. Бредет он всякий раз домой, словно с похорон собственной молодости.

ГАЙОЗ. Ну, я-то молодость похоронил давно.

ЦАГУНА. Однако и после этого "давно" дамы не переставали увиваться вокруг вас.

ГАЙОЗ. Что ж, святым отшельником так и не удалось стать. Но и заарканить меня никто не сумел. Кругом столько фальши... Стоило подумать... "Неужели и моя жена..." – и я приходил в бешенство.

ЦАГУНА. Не судите строго. Вы человек благородный, а это женщин привлекает.

ГАЙОЗ. Разве "благородный" честным путем попал бы в такие хоромы?

ЦАГУНА. А что вы, собственно, сделали такого? И какие же это хоромы? Неужели вам, ученому...

ГАЙОЗ. Я не ученый. Их – единицы. Я только научный работник. Нас – тысячи...

ЦАГУНА. Ладно, будь по-вашему! Но разве и вам, научному работнику не положены две спичечные коробки?

ГАЙОЗ. Нет!

ЦАГУНА. Да не прибедняйтесь! Положены! Потому и я пошла вам навстречу. Помните, когда вы вернулись из горсовета... "Мую старенькую маму, видимо, не считают за человека – отказывают в двухкомнатной квартирке...". И вы разразились чуть ли не проклятиями... "Не евнух же я, могу и жениться".

ГАЙОЗ. Не будь вас – я бы не разгуливал здесь. Признаться, такого решительного поступка от вас не ожидал.

ЦАГУНА. Почему же? Меня всегда считали эксцентричной особой, не лишенной чувства юмора.

ГАЙОЗ. Юмора я в вас что-то не замечал, а эксцентричность, пожалуй... То, что выкинули вы, будучи еще на втором курсе... Я, лектор, без пяти минут кандидат, оказал вам, желторотой студентке, особую честь – одолжил уникальное издание, а вы... а вы вернули его разодранным... (Вытирает лоб платком). Даже сейчас, как вспомню, меня бросает в жар.

ЦАГУНА. Не надо волноваться. А вдруг вам станет дурно? Чем же привести вас в чувство? Вода в доме пока еще не идет.

ГАЙОЗ. Это и есть ваше чувство юмора?! Гм! Оскорбить меня лично – еще куда ни шло, но надругаться над книгой – да еще редчайшей... (Находит и высоко поднимает обе части). Вот она! Разорванная пополам: "История древнегреческой литературы" Григория Церетели! Я нарочно не отдаю ее переплетать – храню как вещественное доказательство "культурности" некоторых "ученых" женщин. Гм...

ЦАГУНА. Это ваше "гм" относится к ученым женщинам или к культурности?

ГАЙОЗ (повысив голос). Это относится...

ЦАГУНА. Нельзя ли потише? Если сюда доносится бой часов, то ваш львиный рык, как вы думаете... Сейчас, наверно, все соседи, затаившись в своих постелях, слушают ночную передачу Би-Би-Си из новоиспеченной семьи Гайоза Арсенишвили...

В квартире Гайоза гаснет свет.

В комнате Антиофы Васико готов упасть на колени перед хозяйкой.

ВАСИКО. Клянусь всеми святыми, я нисколько не буду вас обременять. Не беспокоит же вас ласточка, нашедшая приют под вашим карнизом... Выпорхнет она утром, впорхнет вечером, переночует и снова... в синее-синее небо! (Увидев икону, воздевает руки). Если в моих словах есть хоть капля лжи, пусть разразит меня гром! (Небольшая пауза). Видите, сударыня? Я цел. Бог справедлив.

АНТИОФА. Ну, раз такому славному юноше негде голову приклонить, что ж, оставайся.

ВАСИКО (бросается целовать ей руки). Спа-си-бо, спасибо. Уплатить сейчас же или...

АНТИОФА. Никакой платы! И не заикайся.

ВАСИКО. Не жалейте меня, пожалуйста. Я не богат, но и не совсем нищ. (Достает из кармана). У меня целая десятка! И на сберкнижке имеется. Да и из дому, наверно, пришлют... Если отец продаст лавровый лист, непременно пришлет!

АНТИОФА (не слушает его). Мне что-то нехорошо... Задыхаюсь... Голубчик, открой окно!..

ВАСИКО (пытается, но безуспешно). Шут его дери, не открывается. Заржавело, что ли? Или впаяно?

Входит Ясон. Васико очень хочет произвести на него благоприятное впечатление, но не знает, как это сделать.

ЯСОН. Мир дому сему!

АНТИОФА (слабым голосом). Прошу...

ЯСОН. Пришел, кажется, некстати. Время уже спать. Но что поделаешь... (Со слезами в голосе). Вечером... в цирке... у кассы... вытащили три золотых зуба...

АНТИОФА. Вытащили?! Как? Откуда?

ЯСОН. Из кармана.

АНТИОФА. Ах, из кармана...

ЯСОН. Товарищ Нинуа! Прошу вас как ясновидящую помочь мне найти грабителя.

АНТИОФА (отрицательно покачала головой). Обратитесь в милицию.

ЯСОН. Что милиция? Милиция и найденное-то не всегда помогает сохранить, станет она еще разыскивать потерянное! Прошу вас...

АНТИОФА. Мне запрещено вмешиваться в функции властей.

ЯСОН. Тогда... хоть стоимость одного зуба одолжите. До четверга! В пятницу, это уж точно...

ВАСИКО. Простите, а сколько стоит зуб?

ЯСОН (критически оглядев его). А это еще кто такой?

АНТИОФА. Он будет жить у меня.

ЯСОН. А ордер? Он же на одного? Кто я? Меня даже не спрашивают?

АНТИОФА. Успокойтесь. Все, что касается жилплощади, решаете вы, и только вы... Но этот юноша - бездомный студент, да еще у него невеста.

ЯСОН. У него... невеста?! (Васико). В твои-то годы?..

ВАСИКО. А что тут удивительного? Именно в мои годы нужна жена, а в ваши... и сиделка-супружница хороша - поставить горчишки на лопатки.

ЯСОН. Нет! Вы только поглядите на него! Ну прямо образцово-показательный студент минувших времен, какие грызли гранит науки, дабы служить народу. А ты что грызешь? Семечки грызешь! А ну, достань нож из кармана!

ВАСИКО. Какой нож? Нет у меня никаких ножей. (Выворачивает карманы).

АНТИОФА (дает Ясону деньги). Хочешь потерять друга – дай ему в долг, – говорили древние греки.

ЯСОН. Одолжишь такую малость – то же самое скажут и нынешние греки.

ВАСИКО. Пожалуйста, и я могу... Вот целых сто рублей!

ЯСОН. Новыми? Ну, что есть, то есть... (Берет у него деньги). Я человек маленький, а захочу, могу навредить пуще большого. Живите! (Оглядев стены). В глазах рябит. Что, не достали обоев?

АНТИОФА. Я предпочитаю афиши. Они красочнее.

ЯСОН. Дело ваше, только... (Официально). Удлиняя... то есть укорачивая жизнь наших домов, мы этим удлиняем... тьфу!.. то есть укорачиваем... (Махнув рукой). Спокойной ночи!

АНТИОФА. Погодите! Сказать, кто вытащил у вас...

ЯСОН. Ну-ну!

АНТИОФА. Никто! Все зубы у вас на месте. (Протягивает медную чашечку). Взгляните!

ЯСОН. Стану еще глядеть в дьявольский сосуд... (Уходит).

Перед домом проходят Бердо с Еленой. Через некоторое время она возвращается.

ВАСИКО. Все зубы целы? Правда? Только я для него и тысячи рублей не пожалел бы. Ведь он мой тесть... будущий...

Антиофа вдруг хватается за грудь и со стоном падает на кровать.

Что с вами?

АНТИОФА. Позовите... Тут рядом врач...

Васико бежит в соседнюю комнату: "Доктор, доктор!.."

ВАСИКО (возвращается). Никого нет... Побегу в поликлинику...

А где она? Ой, правда, как душно! Пахнет олифой. И окрой. Такой запах и буйвола свалит.

АНТИОФА (с трудом). Откройте окно... Откройте...

Васико опять пробует открыть окно, но тщетно, тогда разбивает стекло кулаком.

Мой маленький герой! Ты порезался?

ВАСИКО. Чепуха, лишь бы вам стало лучше. (Завязывает платком пальцы правой руки).

АНТИОФА. Ни разу еще не было мне так плохо...

ВАСИКО. Не бойтесь.

АНТИОФА. Пускай! Будь что будет. Смерть бывает разная. Своевременная и ранняя, героическая и позорная... А какая меня ожидает — вот уж не знаю.

ВАСИКО. Ваша смерть будет безвременной и славной, но не надо... Если не станет вас, меня прогонят отсюда взащей.

АНТИОФА. Не отчаивайся. Человек живет воздухом, хлебом и надеждой. Надежда — великая опора. Никогда не теряй ее. Я все оставлю тебе: вещи, которые ты здесь видишь, и деньги, которые пока еще не видишь...

ВАСИКО. Мне ничегошеньки не надо, только вы живите!

АНТИОФА. А если я все же умру?... Похороните меня скромно... Ни венков, ни поминок... Закопайте где-нибудь на краю кладбища, у дороги. Не дай бог лежать на видном месте — могилу со временем продадут вторично и положат тебе на грудь другого покойника. Боже упаси! Я и живая ни с кем рядом не лежала, ну, а мертвая и подавно не хочу. (Со вздохом). Есть грех на моей душе... Обманывала я часто. Но обман обману — рознь. Иной обман приносит людям пользу... Да, ловко я плела кружева безобидной лжи. Но не выгоды ради, нет. А если и брала какие-то гроши, то лишь для того, чтобы мне верили. Чем дороже лекарство, тем целительней оно кажется больному.

На втором этаже гаснет свет.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ЦАГУНА. Ну, что тут особенного? Две девочки, две подружки

взяли у вас какую-то книжку...

ГАЙОЗ. Гм, "книжку"...

ЦАГУНА. Сначала они зубрили сообща, потом вдруг поссорились возможно, из-за парня, которого не сумели разодрать, как оберточную бумагу, на две равные части. В общем, так или иначе вместе уже не могли заниматься, а сессия на носу... Что делать? Разделили книгу пополам и засели каждая за свою половину, а потом обменялись половинками и сдали предмет на пятерку. Все! Стоит ли делать из этого трагедию?! С тех пор я выросла, как говорится, по всем пунктам. Мне даже поручили обучать вас немецкому языку. И я стараюсь как могу. Больше того: я не пожалела своего безупречного чистого паспорта и согласилась вписать туда вашу фамилию. А вы... без конца носитесь с этой ерундой!

ГАЙОЗ. Ничего себе "ерунда"! Оттого я и не уважаю вашего брата. Существенного вы не умеете отличить от пустяков. Я, слов нет, очень вам признателен, что вы согласились стать, фиктивно конечно, моей женой. Но, собственно говоря, что вы могли потерять? Надежду выйти замуж... Скажем прямо, вы не вчера ее потеряли.

ЦАГУНА (вспылив). Извините! Женщина и в восемьдесят лет не теряет этой надежды. Хм! И вы говорите это мне? Неблагодарный вы человек!

Стучат.

ГОЛОС ВАСИКО (за дверью). Давно уже за полночь. Прошу не шуметь. Наверху лежит сердечница. Ей нужен покой.

ЦАГУНА (шепотом, но яростно). Мне вас жаль! Вы мелкий-мелкий и не иначе как злой человек. Поражаюсь, чем вы привлекаете этих дур? Ну, походка, осанка, взгляд, рукопожатие, все это у вас как будто истинно мужское, а душа что ни на есть бабья. (Быстро направляется к двери).

ГАЙОЗ. (преграждает ей путь). Куда вы?

ЦАГУНА. Окажись вы воплощением самой вежливости и великодушия, я и тогда не осталась бы ночевать здесь. Я пришла сюда так... ради формальности... взглянуть, как вы устроились.

ГАЙОЗ. Спасибо, но учтите, кругом сотни глаз, и если завтра они не увидят тут "мою супругу", то послезавтра полетят сигналы

в разные инстанции: Гайоз Арсенишвили жульническим путем захватил двухкомнатную квартиру – никакой жены у него нет.

ЦАГУНА. Разве это неправда?

ГАЙОЗ. Правда, но... мы же условились... я ведь взял вас в жены!

ЦАГУНА. Вы взяли меня взаймы!

ГАЙОЗ. Не будем спорить. Хотите в жены, хотите взаймы...

ЦАГУНА (упрямо). Взаймы, взаймы! Да еще на короткий срок. Одна соседка уже имела счастье лицезреть вашу... "дражайшую половину".

ГАЙОЗ. Соседка видела, но домоуправ вас не видел. Обещал зайти утром за паспортом.

ЦАГУНА (бросает паспорт на стол). Нате! И спите спокойно. (Идет к двери).

ГАЙОЗ. Пойдите! Ваш уход сейчас – чистейшая несуразность. Взгляните в окно: ни души, ни машины.

ЦАГУНА. Проводите. Вы же... мой благоверный?!

ГАЙОЗ. Ну и как благоверный прошу остаться. Кстати, можете не беспокоиться, с вами ничего не случится. Вы как женщина для меня абсолютно не существуете.

ЦАГУНА (со злостью). Думаете, вы существуете для меня как мужчина?

ГАЙОЗ. Тем лучше для нас. Вы не женщина, я не мужчина. Если угодно, давайте считать, что мы оба – женщины. Или мужчины. Что вас больше устроит?

ЦАГУНА. Лучше будем женщинами.

ГАЙОЗ (поморщился). Ладно.

ЦАГУНА. Я вас больше Гайозом звать не буду.

ГАЙОЗ. Дело ваше... (Уходит в другую комнату).

ЦАГУНА. Там и оставайтесь. Слышите? Ложитесь там, хоть вы и... Мари-ия!

ГАЙОЗ (возвращается). И в самом деле, зачем нам ютиться в одной комнате? (Жест на раскладушку). Ваше ложе, прошу. С виду неказистое, а спится на нем сладко, словно в люльке.

ЦАГУНА. Как? Я должна лечь в вашу постель?

ГАЙОЗ. Чему ужасаться? А что, вам ни разу не приходилось спать в чужой постели? Хотя бы в гостинице?

ЦАГУНА. Но я не знала, кто там до меня спал, а здесь...
(Брезгливо снимает простыню). У, противно!

ГАЙОЗ. Я ее сменил утром. (Встряхивает простыню). Вам так не постирать! Какая белоснежная! (Сухо). Спокойной ночи!

ЦАГУНА (пренебрежительно). Можете идти.

Гайоз в своей комнате расстилает на полу газеты, в изголовье кладет чемодан.

(Гасит свет и снимает кофту, но не находит, где ее повесить или положить). Куда это он "молодую" привел ночевать? В зал ожидания, на вокзал, что ли?! (Швыряет подушку в комнату Гайоза, пытается закрыть дверь).

ГАЙОЗ. Что вы там возитесь?

ЦАГУНА. Да дверь не закрывается. Может быть, с вашей стороны, а? Возьмите ключ. (Просовывает ключ в щель). Ну что? Заперли?

ГАЙОЗ. Я думаю, в этом доме надо сменить все... кроме каркаса.

ЦАГУНА. Что вы там бормочете?

ГАЙОЗ. Ничего не получается... Да вы не тревожьтесь, я к вам не войду.

ЦАГУНА. А вдруг? Слыхала я про эти басни — "не войду". Все мужики так уверяют. Мне говорили.

ГАЙОЗ. Но мы, кажется, условились — я не мужчина.

ЦАГУНА. Ах, да... (Ложится, но не может удобно устроиться, ворочается). Вы уже легли?

ГАЙОЗ. А что?

ЦАГУНА. Я не привыкла спать без подушки. Верните мою подушку!

Оба подходят к двери.

ГАЙОЗ. Вот, пожалуйста, ваш-ша подушка. (Просовывает ее в полуоткрытую дверь).

Снова ложатся. Наконец, все как будто успокоилось, но вдруг Цагуна издает душераздирающий вопль. Елена приподнимается со своей кровати и со сна кричит в адрес

нижнего этажа: "Чтоб вам заснуть летаргическим сном! Года на два!" – и снова закутывается в одеяло. Антиофа тоже приподнялась с постели и, увидев мирно прикорнувшего на диване Васико, осторожно прикрыла его пледом.

(Бросается к двери). Что случилось? Что вас там напугало?

ЦАГУНА. Пробежало что-то... По лицу. Бо-юсь!.. Зажгите свет!

ГАЙОЗ (включив свет). По-моему, вам показалось.

ЦАГУНА. Мне ничего не кажется. Не учите меня! Это я ваша учительница!

ГАЙОЗ. Вы можете учить языкам, но не жизненному опыту. Его у вас – ни на грош!

ЦАГУНА (строго). Швайген зи! ж)

ГАЙОЗ. Если бы вы слышали свой "соловьиный" голос, и вы бы помолчали.

ЦАГУНА (без адреса). Бегемот!

ГАЙОЗ. Очень вам благодарен. Только спите.

ЦАГУНА. Заснешь, когда кругом шныряют крысы. Тащите сюда свою постель и не гасите свет. Сторожите меня! Да! Представьте спальный вагон... Приходилось же вам когда-нибудь ехать в одном купе с дамой? Она на верхней полке, а вы на нижней...

ГАЙОЗ (со вздохом, тихо). Приходилось... (Стелет газеты недалеко от постели Цагуны. Про себя). Так спать хочется, как наревевшемуся младенцу.

ЦАГУНА. Вы собираетесь лечь на полу? А бока?

ГАЙОЗ. Да к черту и бока, и ребра, и... (Устремляет взор в потолок). Спасибо вам, доктор, за пожелание вечного... медового месяца! (Ложится и немного погодя начинает храпеть).

ЦАГУНА. Вы спите?! Вы уже заснули? (Присматриваясь). Пыхтит как паровоз... (Сжав руку в кулак, словно собирается ударить). Мар-руся!.. (Садится на раскладушке и беззвучно плачет).

Часы бьют три раза.

З а н а в е с

ж) Молчать! (нем.)

АКТ ВТОРОЙ

КВАРТИРА ГАЙОЗА

Гайоз упражняется с гантелями. В другой комнате Цагуна, застелив постель, что-то безуспешно ищет в ворохе книг.

ЦАГУНА (подходит к двери). Доброе утро!

Гайоз, не оборачиваясь, кивает.

Вчера где-то среди книг валялось зеркальце. Такое маленькое!

ГАЙОЗ. Уже заметили? Ну и ну! Так молниеносно акклиматизироваться в чужой квартире! Впрочем, это природный дар женщин. И на дне океана вы не растеряетесь... Вот оно, на чемодане. (Продолжая упражняться). Как спалось?

ЦАГУНА. (поправляя волосы). Чудесно. Всю ночь путешествовала. К нашему составу прицепили дряхлый паровоз, ну, точно такой, во время гражданской войны дровами что топили. У него, у бедняги, в носу... простите, в трубе были полипы — так ужасно хра... то есть пыхтел...

Гайоз не слушает ее.

(Подходит ближе). Вы... по утрам долго тренируетесь?

ГАЙОЗ. Долго, долго.

ЦАГУНА (презрительно оглядев его, направилась в "свою" комнату). Ой, как есть хочется! (В дверях). Пока вы будете наращивать мускулы, не приготовить ли завтрак?

ГАЙОЗ. Давайте, только ни о чем меня не спрашивайте. Нарушается ритм дыхания... Кстати, хлеб в чемодане.

ЦАГУНА (после паузы). Где хлеб? В чемодане?

ГАЙОЗ. Не удивляйтесь. Таким образом я сбиваю мышей с толку. Откуда им знать, что еда в чемодане спрятана? А тряпье их мало интересует.

ЦАГУНА. По вашей логике, шерстяные фуфайки надо хранить в холодильнике. Моли и в голову не придет...

ГАЙОЗ. Что вам от меня нужно? Как жил тридцать восемь лет, так буду жить дальше.

ЦАГУНА. Ни одна женщина не позволит вам сидеть всю жизнь на чемоданах. (Открыв чемодан). Тут только крохи хлеба и остатки масла.

ГАЙОЗ. Отлично! На масло я и не рассчитывал.

ЦАГУНА (поставила масленку на стол, он покачнулся). Из мебели прежде всего нам надо... то есть вам надо... приобрести стол.

ГАЙОЗ. Приобретешь, как же! Все, что можно купить просто так, без блата, — точно топором вырублено.

ЦАГУНА. Ну, не так уж все мрачно... Пожалуйста, я помогу вам подобрать.

ГАЙОЗ. "Поможет!.." А у меня самого, думаете, вкуса не хватит?

ЦАГУНА. Теперь вы и к этому прицепитесь.

ГАЙОЗ. Никогда не прощу вам изуродованного Григория Церетели!

ЦАГУНА. Я же не одна уродовала! Извольте хотя бы половину вашего гнева приберечь для моей соучастницы.

ГАЙОЗ. А где она?

ЦАГУНА. Вышла замуж.

ГАЙОЗ. Мда... Она вышла... А вы почему нет?

ЦАГУНА. У меня не было телефона.

ГАЙОЗ. Странно! Какая может быть связь между телефоном и замужеством?

ЦАГУНА. Самая прямая. То тебе позвонят, то ты позвонишь... Ну что такое, в конце концов, любовь? Ссора и примирение, примирение и ссора. А телефон смягчает ссоры и ускоряет примирения.

ГАЙОЗ. В таком случае я постараюсь, чтобы вам установили этот магический аппарат.

ЦАГУНА. Спасибо. Может, и новую службу подыщете?

ГАЙОЗ. А старая вам уже не нравится?

ЦАГУНА. Нравится, но когда из года в год торчишь, как пень, на одном месте, то и телефон не спасает.

ГАЙОЗ. Как это понять — "торчишь"?

ЦАГУНА. Ну, если не приглянешься кому-нибудь в первые же дни... (Махнув рукой). Потом все божатся, что для них ты словно сестра родная.

ГАЙОЗ. А чем это плохо, быть всем родной сестрой?

ЦАГУНА. Нет, это очень хорошо, но... Смотри кто питает к вам родственные чувства. Тоже имеет значение. Ну если вы, например, взглянете на меня глазами брата... А как же иначе? (В сторону). Маруська...

ГАЙОЗ (расслышав). Что вы сказали?

ЦАГУНА (роется в книгах). Ой, сколько сочинений! "Психоанализ"... "Книга для молодых хозяек"... "Воспитание щенка"... "Введение в эстетику"... "Флоксы и хризантемы"... Агулей, "Золотой осел"...

ГАЙОЗ. Не переводите разговор! Я спрашиваю — что вы там прошипели? Все имеет свои границы. Тоже мне... воплощение вечной женственности! Лорелея!

ЦАГУНА. Вы грубый, грубый носорог. Даже не верится, что автор популярных статей — "Как себя вести на улице и дома" — это вы! Не знаю, как там на улице, но дома вы... Так говорить с женщиной!

ГАЙОЗ. Задело?! А ~~вы же женщина~~ если вы меня... "Маруська!"

ЦАГУНА. Вам нетрудно доказать, что вы не баба. А я и без вас знаю — не красавица.

ГАЙОЗ. Почему же? Не так уж плохо выглядите.

ЦАГУНА. Спасибо... А все-таки сколько мне лет, по-вашему?

ГАЙОЗ. Двадцать восемь.

ЦАГУНА. Однако быстро вы изучили мой паспорт!

ГАЙОЗ. Даже в руки не брал. Я исхожу из того, что, когда вы совершили акт вандализма...

ЦАГУНА. Прошу не говорить больше об этом. Мне так совестно...

ГАЙОЗ. Ну, если раскаиваетесь, из вас со временем может еще получиться человек.

ЦАГУНА. А женщина?

ГАЙОЗ. Нет слов, женщина тоже человек. Но по самой своей природе она, к сожалению, далека от совершенства. Оттого-то и человечество со дня своего возникновения так неустроено, и нет и не будет конца сему неустройству. (Невольно опирается на стол — с него упал и разбился стакан).

ЦАГУНА. Так и знала, этот колченогий стол не доведет до добра. (Кладет какую-то книгу под ножку).

ГАЙОЗ. Что вы делаете? Чем вы ножку удлиняете? Аристотелем?!

ЦАГУНА. Ну и что же?

ГАЙОЗ. Ничего... Ночная бабочка, летя прямо на огонь, тоже не сомневается, что это верх рассудительности. (Ставит под ножку спичечную коробку. Посмотрев на стол). И это весь наш завтрак?

ЦАГУНА. Прошу извинить за скудное угощение. Я просто не учла размеров вашего аппетита. Но это дело поправимое. (Преподносит на тарелке толстую книгу). В вашем распоряжении свыше трехсот блюд. Выбирайте любое! (Перелистывает книгу). Хотите куриные потроха? Нет? Тогда... шницель по-министерски? Милости просим. (Вырывает лист и кладет на тарелку).

ГАЙОЗ. (почти кричит). Вы в своем уме?

ЦАГУНА. Это следовало бы выяснить, прежде чем на мне жениться. (Прежним тоном). А на десерт что вам будет угодно? Советую яблочный пирог. (Вырвала еще лист). Кушайте на здоровье!

ГАЙОЗ. (выхватив у нее книгу). Эта особа сделает меня психом!

ЦАГУНА. Боюсь, как бы не случилось наоборот.

ГАЙОЗ. Книга — источник знаний! К ней нужно относиться с величайшим уважением.

ЦАГУНА. Не надо жадничать. У вас сотни томов! (Взяла со стола газету, просматривает).

ГАЙОЗ. Но "Книга для молодых хозяек" у меня в одном экземпляре.

ЦАГУНА. И потому вы должны есть меня поедом? Подумаешь! Попробовали всего только два блюда, а там черт знает сколько еще осталось.

ГАЙОЗ. Вы пе-да-гог...

ЦАГУНА (строго, как ученику). Заген зи курц!^{ж)} Знаю, скажете — педагог, и никакого уважения к Гутенбергу. Честно говоря, в данный момент я больше уважаю мастеров кожаного мяча. (Показывает газету). Читали? Наши выиграли в Москве!

ГАЙОЗ (после паузы, тихо). Кого уважаете? Футболистов?

ЦАГУНА. Молодцы, ребята! Я точно знаю рост и кубатуру легких каждого из них. Знаю, кто, когда и сколько голов забил правой и левой ногой, головой, с пенальти...

ж) Говорите коротко! (нем.).

ГАЙОЗ. Гм! Вы, надо полагать, часто посещаете стадионы?

ЦАГУНА. Чаше, чем вы букинистов.

ГАЙОЗ (хлопнув в ладоши). Подумать только, на какие пустяки растрачивается наша национальная энергия!.. Ну на черта сдался вам стадион? Женщинам приличествует ходить на панихиды да на похороны... поплакать.

ЦАГУНА. Хватит с нас, наплакались. Пришло другое время! Наше!

ГАЙОЗ. А что хорошего принесло вам это "ваш-ше" время? Вокруг тысячи одиноких женщин.

ЦАГУНА. А кто в этом виноват? Вы, господа мужчины!

ГАЙОЗ. Мужчины хотят жениться на женщинах, а не на каких-то мужеподобных существах. Смешно и грустно! Это вы - украшение природы?! От любви к вам родилось все прекрасное на земле?! Гм! Как вы одеты, как вы сидите, как вы говорите?! Хочется уши заткнуть и глаза закрыть! Никотином несет от вас и перегаром. Противно и гадко!..

ЦАГУНА (колеблясь). Все это мода. Она пройдет...

ГАЙОЗ. "Мода"... Одна мартышка изобретет какую-то обезьянью моду, и сто тысяч обезьян... мигом за ней! Ну, надо же знать, хотя бы приблизительно, что тебе к лицу, фигуре и что нет! Сколько средств вам дано, чтобы скрыть свои физические изъяны, а вы... Лишь бы оголиться, лишь бы оголиться!.. Глаза бы не глядели! Еще на нас обижаются. Ну какой же уважающий себя мужчина женится, например, на вас?

ЦАГУНА. А вы что, не уважаете себя? Женились же!

ГАЙОЗ. Я вас взял...

ЦАГУНА. Знаю! Вы взяли меня напрокат. Ну и извольте хоть покормить. Я не бесплотный ангел. И вчера не ужинала.

ГАЙОЗ. На ночь вредно набивать желудок.

ЦАГУНА. Конечно, ночью все вредно... кроме храпа. Но сейчас утро. Не может быть, чтобы поблизости не было булочной.

ГАЙОЗ. А сахар у нас есть?

ЦАГУНА. Это вам лучше знать.

ГАЙОЗ. Поищите! Возможно, он в том чемодане. А если нет - займите. Пора познакомиться с соседями. (Уходит).

ЦАГУНА. Ну вот! Отвечай теперь за все слабости... слабого пола. А что ответишь?! (Роется в чемоданах). Какой тут сахар? Этого гипнопотама, наверно, и мыши не выносят.

КОМНАТА АНТИОФЫ

Васико с перевязанной рукой смотрит в окно.
К дверям подходит Марика.

МАРИКА (шепотом). Вас!... Васико!

ВАСИКО. Марика!.. (Обнимает ее).

МАРИКА (отстраняется). Ты с ума сошел!.. Что с рукой?

ВАСИКО. Вчера хозяйке стало плохо. Она уже совсем собралась, но я ее не пустил.

МАРИКА. Куда?

ВАСИКО. Ну... "туда". (Скорбно). Где холод, тьма и унынье...

МАРИКА. Не говори о смерти. Я ее ужасно боюсь. Лежать в земле – во мраке, одной. Я и дома-то в темной комнате боюсь оставаться одна, не то что в могиле.

ВАСИКО. Да ты не бойся! Там мы будем лежать вместе. А пока живы... (Вдруг целует ее).

Входит Антиофа. Марика, вскрикнув, бежит к выходу, но Антиофа ее удерживает.

(Падает на колени перед Антиофой). Казните! Разрубите меня на части! Привяжите к конскому хвосту и тащите, тащите... Я мерзавец!

АНТИОФА. Встаньте!

ВАСИКО. Нет... Я знаю, что вы думаете: не успел, мол, переступить порог моего дома и уже превратил его в притон разврата...

АНТИОФА (строго). Что я вам сказала?

ВАСИКО (притворно всхлипывая, встает). Мне стыдно смотреть вам в глаза...

Марика глотает слезы.

АНТИОФА. Что вы плачете? Дурные! Разве бог дарит молодость лишь для того, чтобы зубрить грамматику?! Любите? – целуйтесь на здоровье, это не грех.

ВАСИКО. У нас больше, чем любовь. Она... моя невеста. Давно. Но признаться отцу... ее отцу! – боимся.

АНТИОФА. Почему?

ВАСИКО. Не понравлюсь, знаю. Ни кола ни двора! То есть ни степени, ни машины. И денег тоже! (Достав из кармана сберкнижку). Вот – весь мой капитал – четыре рубля пятьдесят копеек. С накоплением никак в гору не идет. Кино – будь оно неладно! – влетает в копеечку. От одних названий глаза разбегаются. То "Возраст любви", то "Любовь под вязами", то... "А если это любовь?". У нас и своей любви хватает. Но когда идешь по улице, тянет же взглянуть в чужое окно?! Любопытство не украшает человека, но оно, если не ошибаюсь, не с меня началось. Еще Ева с Адамом... Помните, когда они тихо сидели на нежной травке, под яблонькой...

Марика делает ему знак замолчать.

Извините, я, кажется, заговорился... Ну, раз вы меня не гоните, будьте еще добрее (протягивает книжку) – примите на хранение. Боюсь, как бы и остатки не спустить. Ведь они залог будущих сбережений. (Жалобно). Не выгоните, нет?

АНТИОФА. Выгнать своего ангела-спасителя?!

ВАСИКО (чуть не плача). Но я же осквернил здесь все...
Даже образ Спасителя.

АНТИОФА. Будет вам! Это и не Спаситель – дева Мария! И она бы благословила вас. Счастлив тот дом, где витают амуры.

ВАСИКО. Теперь я стану, тетя Антиофа, таким морально устойчивым, таким морально...

МАРИКА. Честное слово, мы собирались заниматься.

АНТИОФА. И занимайтесь!

ВАСИКО. Это опасно. (Указав на Марику). А вдруг заявится ее папаша!

АНТИОФА. А зачем ему сюда?

ВАСИКО. Он и вчера заходил. Не помните?

АНТИОФА. Ах, это про тебя: "Во всей Европе...".

МАРИКА. Как он меня срамит!

ВАСИКО. Скорее себя срамит...

МАРИКА. Ничего подобного! Мой папа – все-таки хороший папа.

ВАСИКО. А мой? Ты знаешь, мой отец ногу потерял на войне. И какую ногу?! Твердую, как алмаз. А что твой потерял? Драные носки. (Смеется).

Ясон появляется перед домом.

ЯСОН. Граждане-товарищи! Берегите и любите друг друга. Помните: как бы вы ни были богаты, какой высокий пост ни занимали бы, а вот без соседа вы... как без света и без воды! И без лифта тоже! (Проходит).

Испуганная Марика выбегает.

АНТИОФА. Куда это она умчалась?

ВАСИКО. Как, по-вашему, тетя Антиофа, Марика будет мне верной женой?

АНТИОФА. Кто знает?! Безошибочно судить о женщине можно лишь после того, как господь призовет ее к себе.

ЦАГУНА (подходит к открытым дверям). Простите...

АНТИОФА. Пожалуйста, пожалуйста.

ВАСИКО (Антиофе). Я пойду. (Уходит).

ЦАГУНА (смущенно). Я... я хочу попросить... немного с-с...

АНТИОФА (деловито). Знаю, знаю! Вы живете внизу. Недавно вышли замуж. Муж вас не любит...

ЦАГУНА. Кто... кто вам сказал?

АНТИОФА (провела рукой по ее лбу). Голубые глаза.

ЦАГУНА (слабым голосом). Мама дорогая...

АНТИОФА. А все же вы поступили разумно, вступив в брак. Пусть не муж, так ребенок принесет вам утешение и отраду.

ЦАГУНА (печально). Не будет у меня ребенка.

АНТИОФА. Почему?

ЦАГУНА. Я не дева Мария.

АНТИОФА. При чем тут Мария?

ЦАГУНА (со вздохом). Я всего только заурядная девушка не первой молодости. Небесным силам незачем вмешиваться в мою судьбу — миру вряд ли нужен второй Христос. Многие и от первого отказались.

АНТИОФА. Смотрите мне в глаза... Так!.. Вчера вы с мужем разделили ложе?

Цагуна опустила голову.

Или... он отдельно, вы отдельно?

ЦАГУНА. Да... Он — на полу, на газетах, а я немного выше, на тоненьком матрасе.

АНТИОФА. Как вы думаете, ваш супруг... нормальный мужчина?

ЦАГУНА. Отгадать этого... я не могу.

АНТИОФА. Садитесь. (Ставит на стол медный тазик с водой).
Всмотритесь!.. Хорошенько всмотритесь... Видите?

ЦАГУНА (неуверенно). Вижу.

АНТИОФА. Что вы видите?

ЦАГУНА. Воду.

АНТИОФА. А в воде?.. В воде что видите?

ЦАГУНА. Мм...

АНТИОФА. Вот он! Ваш муж! Взгляните, как шагает! Словно ковбой! Это же стопроцентный мужчина! И если вчера на том тоненьком матрасе лежала бы Софи Лорен или Брижит Бардо...

ЦАГУНА (виновато). Я же вам сказала — я всего-навсего...
Что женщине надо для счастья? Стройные ножки и красивая головка.

АНТИОФА. А в голове ничего не должно быть? Чтобы выйти замуж да удержать мужа, одной красоты мало. Нужен еще и ум. Не ньютоновский, нет! Но хотя бы умишко. (Протягивает ей пузырек).
Подлейте супругу в чай, но так, чтобы он не заметил. Уже позавтракали?

ЦАГУНА. Нет... Я... ищу сахар.

АНТИОФА. Сахар я вам дам.

ЦАГУНА. Как-то неудобно.

АНТИОФА. Ничего неудобного. (Дает пачку сахара). Запомнили, как я велела? Духовно богатые и привлекательные, но прямодушные существа часто остаются старыми девами. Без хитринки трудно прожить на свете! (Вертит Цагуну. С заклинанием). Семьдесят чертей, семьдесят мастей! Отдайте Гайоза Цагуне! Отдайте Гайоза Цагуне! Семьдесят чертей... Отдайте Гайоза Цагуне!.. Цагуне, Цагуне, Цагуне! (Глядя на образ, крестит Цагуну). И ты помоги ей, боже!

ЦАГУНА. Пусть поможет, только... не унижая меня.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

Входит Гайоз, нагруженный покупками.

ГАЙОЗ. Эй, где вы? (Идет в кухню, возвращается). А чайник...

бурлит, и крышка танцует. Нет, она мне тут пожар устроит. (С горькой усмешкой). Наверно, помчалась на матч...

Появляется Цагуна.

Где вы пропадаете?

ЦАГУНА. А что, соскучились без меня?

ГАЙОЗ (с иронией). О, не говорите. Весь высох... Нынешним Пенелопам только глупец может довериться. Как обмануть? — все ваши помыслы только об этом. (Передразнивая по-женски). "Уходя, муженек обнял меня и шепнул: "Надеюсь на твой ум, дорогая". А мой ум меня прямехонько к тебе привел, уголок души моей!".

ЦАГУНА. Это вам сказали? "Уголок"... Так и надо вашему брату. Раз вы не цените порядочность...

ГАЙОЗ. А где этот высокоценимый вами товар? Что-то не встречается.

ЦАГУНА. Видно, плохо искали. Вокруг тысячи... Я не о себе, конечно.

ГАЙОЗ. А что, вы — непорядочная?

ЦАГУНА. Не знаю. Мне еще ни разу не попадался агрессивный мужчина.

ГАЙОЗ. И не попадетсЯ! Женщина, у которой только и дела, что бегать по стадионам и записывать размеры ног каких-то...

ЦАГУНА. Не нравится — не буду...

ГАЙОЗ. Мне, собственно, все равно.

ЦАГУНА (почти со слезами в голосе). Вот вам все равно, и этому все равно, и тому тоже все равно... А раз всем все равно, я и бегаю. Женщину должен воспитывать мужчина. А когда нет воспитателя, что делать?! (Разворачивает сверток). А-а, вы достали мясо?! А куда его спрячете? В шляпу? Мыши его не съедят, а кошки? Разрешите посоветовать, только... прошу без грома и молнии! В первую очередь вам надо купить холодильник.

ГАЙОЗ (усмехаясь). Вчера — стол, сегодня — холодильник!

ЦАГУНА. Вы человек одинокий — холодильник может вам даже заменить жену. Шутка ли, возьмете и приготовите себе обед на целую неделю! В большой-большой кастрюле! Поверьте! Я хорошая хозяйка.

ГАЙОЗ. Хорошая хозяйка не вырвет листов из "Книги для молодых хозяек".

ЦАГУНА. Я ее назубок знаю, эту вашу книгу. Рассказать, как делается рагу из зайца без зайца? Берем... Вы меня, кажется, не слушаете. Возможно, зайцы вам надоели, и вы хотите отведать цыпленка-табака?—Сию минуту... Но сперва нужно его зарезать... Эх, человек — препротивное создание. Ну, чем бедный цыпленочек провинился? Ведь он еще такой маленький, и так мало радости видел на своем веку! Дайте и ему расти, развиваться!.. Вы знаете, сколько живет курица? Не поверите: тридцать лет! А мы и двухлетнюю курочку считаем старой-престарой и так торопимся всадить ей нож в глотку! Разве это справедливо?

ГАЙОЗ. Это, конечно, несправедливо, но еще более несправедливо то, что у нас на завтрак... ни куриных крылышек, ни куриных ножек!

ЦАГУНА. Зато у нас... (Подвинула к нему стул). Садитесь, пожалуйста.

ГАЙОЗ (отодвинул стул к Цагуне). Нет, вы садитесь.

ЦАГУНА. Вы, вы!

ГАЙОЗ. Я себе что-нибудь придумаю. (Ставит чемодан ребром и садится, с трудом удерживая равновесие).

ЦАГУНА (улыбаясь). Не пойму, зачем вы добивались двух комнат, имея всего один стул?

ГАЙОЗ. Мама у меня старенькая. Ей трудно живется в деревне. Дрова колоть, воду таскать...

ЦАГУНА. Простите... (Ставит перед ним стакан чаю). Пейте, пожалуйста.

ГАЙОЗ. Это что? Чаю я не хочу.

ЦАГУНА. Как? Я уже положила сахар. Четыре куска!

ГАЙОЗ. Еще бы! Зачем вам жалеть чужое добро!

ЦАГУНА. Вы, наверно, ужасный жмот. Ох, не выношу скупости! Тем паче у мужчин.

ГАЙОЗ. Я не жмот, но и не мот. (Пьет).

ЦАГУНА. Сладкий ведь, правда?

ГАЙОЗ. Да, но на чай как-то не похож.

ЦАГУНА. В том-то и прелесть, что не похож. Вы не можете себе представить, какое это сложное искусство домашнее хозяйство.

ГАЙОЗ. Представляю. Бегая по стадионам, этого искусства не постигнешь.

ЦАГУНА. Я все успеваю. Знаете, у женщин страшно много времени отнимает любовь. А мне и минутки тратить на нее, к сожалению, не приходится.

ГАЙОЗ (пьет чай с заметным удовольствием; как бы между прочим). Любовь, любить... А что значит любить?

ЦАГУНА. Смотря что... "Я люблю чай" или... "Я люблю женщину". Какую любовь вы имеете в виду?

ГАЙОЗ (не сразу). Вторую.

ЦАГУНА. Именно?

ГАЙОЗ. Ну, не к чаю... а к этой... к другой.

ЦАГУНА. К какой другой? Если вам трудно выразить мысль на родном языке, попробуйте на иностранном.

ГАЙОЗ. Нет-нет! Этому вы меня еще не обучили.

ЦАГУНА. Обучила. А ну-ка, переведите: "Их либе зюссен Тее".

ГАЙОЗ. "Я люблю сладкий чай".

ЦАГУНА. Правильно! Таким же образом можете составить фразу — "Я люблю красивую женщину" или... если угодно, — "умную женщину".

ГАЙОЗ. Ладно, но где она, эта умная женщина?

ЦАГУНА (сквозь зубы). В Японии.

ГАЙОЗ. Еще бы! В Японии!.. В Японии даже из опилок шелк получают.

ЦАГУНА. Поразительно! У нас даже из человека не всегда человек получается, а там... из опилок... шелк! С ума сойти!

Стук в дверь. Входит Ясон.

ЯСОН. Гостей принимаете?

ГАЙОЗ. Будем рады. (Встает — чемодан падает).

ЯСОН. Приятного аппетита!

ГАЙОЗ. Увы, и сегодня вы... в такой час... Впрочем, у нас необыкновенный чай! Присаживайтесь!

ЦАГУНА (сухо). Присаживайтесь, только... чай кончился.

ГАЙОЗ (повысив голос). Как это — кончился?

ЦАГУНА. Кончился — и все! Все необычайное кончается быстро. Хотите, мясо поджарю?

ГАЙОЗ. Пока оно поджарится... Судьба покарала меня, друг мой! Жена досталась... За целый день и булочку испечь не успеваает.

ЦАГУНА (сердито). Ложь! Наглая клевета! Дайте муку! Я не фокусник. Из ничего ничего не могу сделать.

ГАЙОЗ. Чего вы взъерепенились?! Тише!

ЦАГУНА. И вы не орите! Жена я вам, что ли? (Посмотрев на Ясона, сразу затихла). Кричите, кричите. Вы имеете на это полное право.

ЯСОН (Гайозу). Это... супруга?

ГАЙОЗ. Ах, кстати, паспорт... (Отдает Ясону паспорт). Поженились совсем недавно — еще не освоилась с новым положением. (Переменив тон). Простите, ваше имя?

ЯСОН. Ясон.

ГАЙОЗ. Прошу вас, уважаемый Ясон, в ресторан.

ЯСОН. Что вы! Зачем? Лишние расходы... У меня и так грудь щемит, глядя на эту... мм... "обстановку". Словно бедуины-кочевники. (Цагуне). А ты, голубка, не огорчайся, ссоры и недоразумения вечные спутники супружества. Это только я прожил как вольная пташка.

ГАЙОЗ. Да? Как это вам удалось?

ЯСОН. Жена у меня такая неказистая — споткнись она о трамвайные рельсы, да никто не поднимет. А что я проиграл? Народила мне кучу чудных детей, и на похождения мои смотрела так... Не очень свирепо.

ГАЙОЗ (уводя Ясона к двери). Искренне завидую. Буду следовать вашему примеру.

ЯСОН (оглянувшись на Цагуну). Нет, брат, ты себе такую отхватил, где бы ни споткнулась — любой поднимет. Даже с радостью.

ГАЙОЗ. Вы уверены?

Гайоз и Ясон вышли.

ЦАГУНА (с печальной улыбкой). Нет! Прохожие не протянут руку... Это точно. А если кто сбил, и тот не поднимет — что тогда? Под колеса?! Будь она проклята, женская доля! Подмигнет какой-нибудь олух с усиками — и мы уже на седьмом небе...

Стук в дверь. Показывается Бердо; у него растрепанный вид, пиджак порван.

Что это с вами?

БЕРДО. Извините за вторжение. Елену не застал... Еле живой притащился... Из центра... Люди висели на автобусе, как игрушки на елке. Я тоже повис, и, представьте, кто-то вскочив на ходу, уцепился за мой пиджак... Чудом спасся.

ЦАГУНА. Ужас!.. Снимайте, зашью.

БЕРДО. Но вы еще, наверно, и пуговицу не успели пришить мужу.

ЦАГУНА. Да, это так.

БЕРДО. И как же я... Попозже, пожалуй, еще можно. После серебряной свадьбы! К тому времени, я думаю, вы успеете надоесть друг другу.

ЦАГУНА. Так долго ждать не придется. Я ему уже надоела - скоро, вероятно, разойдемся. Вернее, я с ним разведусь.

БЕРДО. Простите за интимный вопрос... А причина?

ЦАГУНА. Видите ли... Я не могу жить у черта на куличках.

БЕРДО. Вот оно что! Сплетни сплетнями, но нет дыма без огня. Говорили же, будто вышли вы замуж из-за квартиры. Очевидно, не предполагали, что жилье получите так далеко... от культурного мира.

ЦАГУНА. О, люди страшно прозорливы. Скажите, что еще обо мне толкуют? Только ничего не скрывайте. Меня это не убьет - я стойкая.

БЕРДО (припоминая). Мм... Что вы польстились на его имя...

ЦАГУНА. А какое у него, в сущности, имя?

БЕРДО. Ну, это вы зря. В своей области Гайоз Арсенишвили - фигура!

ЦАГУНА. Более крупная, чем вы в поэзии?

БЕРДО. Вы опять надо мной смеетесь. Да пора бы вам остепениться.

ЦАГУНА. Но я же люблю вас, Бердо... как поэта! Только не пойму, почему вас не ценит критика.

БЕРДО. Эх, дорогая, хвалят тех, кого боятся, у кого должность повыше, пост поважнее. Критики - люди расчетливые.

ЦАГУНА. Но вы же сами портите собственную репутацию. Шатаетесь по городу, волочитесь за каждой юбкой, чуть-чуть женщина поэлегантнее — и вы уже тут...

БЕРДО. Я поклонник прекрасного.

ЦАГУНА. Но теперь, надеюсь, ограничитесь одной любовью. (Жест в потолок). К прекрасной Елене!

БЕРДО. О, это было бы прекрасно, но не могу победить сидящего во мне беса. Вот и вчера... Стоит на остановке очаровательное юное создание. Одна-одинешенька. Ну как не заговорить? Внешностью моей, конечно, внимания не привлечешь! И я протягиваю ей томик своих стихов, словно визитную карточку. И вдруг, откуда ни возьмись, некая личность метров двух ростом, окруженная сворой мальчишек, грозно шепчет мне на ухо: "Увижу тебя еще раз возле нее — пожалеешь! Знай, сам рук о тебя марать не стану...". И тут же отбыл на машине вместе со своей свитой. А у девушки полились горячие слезы: "Житья нет от него. Уже два раза в милицию забирали, но что толку? Папаша у него важная шишка — сынку не приходится долго сидеть...".

Появляется Гайоз.

ЦАГУНА (Гайозу о Бердо). Вы знакомы?... Известный лирик. Но известен не только этим (смеясь): единственный в нашем городе, кому удалось установить телефон без взятки.

БЕРДО (подает руку Гайозу). Бердо Цваришвили.

ГАЙОЗ (сухо). Встречал ваших стихов в газетах. На первых страницах. В юбилейные дни.

БЕРДО. Прошу не судить обо мне по этим опусам. Творю их, так сказать, для баланса тем. Ясной Поляны у меня нет, а жить надо.

Елена входит в свою комнату.

ЦАГУНА (прислушивается). Елена!..

БЕРДО (смотрит в окно). Где?

ЦАГУНА. Не там... Шагов не слышите? Наверху!

БЕРДО. Да-да... Топ-топ-топ!.. Прекратились. Что, ушла?

ЦАГУНА. Нет, переобулась в шлепанцы!

Где-то забарабанили на пианино.

БЕРДО. У всех такая слышимость?

ЦАГУНА. У всех.

БЕРДО. Так это же прекрасно. Какая экономия! (Оглядел почти пустые комнаты). Вы можете не покупать ни пианино, ни приемника, ни часов с боем. Наверно, всем этим располагают ваши соседи.

ЦАГУНА. Но дом этот все же не без изъяна. Имей он прозрачные стены – мы могли бы обойтись и без собственного телевизора.

БЕРДО. Воздух здесь чистый-чистый! А это ничего, что далеко. Город растет в эту сторону.

ЦАГУНА (заметив нахмурившегося Гайоза). А что вы скажете, уважаемый Гайоз, – это правда?

ГАЙОЗ. Что правда?

ЦАГУНА. Что город растет именно в нашу сторону.

ГАЙОЗ. Об этом вам лучше справиться в горсовете.

БЕРДО. Разрешите откланяться. Мне было приятно познакомиться с вами. И я приятно удивлен, что вы между собою говорите на "вы". Это в наше время – время толкотни и хамства – большая редкость. Супружество, конечно, не должно стирать грани почтительности между мужем и женой. (Цагуне). Будьте благоразумны. Что для любви расстояния, километры, слово "далеко"?! Что кривотолки? Они порождены женской завистью. Желаю вам много счастья! (Уходит).

Пауза.

ГАЙОЗ (беспокойно ходит по комнате). Чего этот тип повадился сюда? Что ему здесь нужно?

ЦАГУНА. Ничего не нужно. Елены не оказалось дома – ну и зашел сюда на минутку.

ГАЙОЗ. Значит, он опередил меня всего на одну минуту?

ЦАГУНА. Нет, больше. Мы незаметно разговорились... О том, о сем. Он, кажется, влюблен в докторшу.

ГАЙОЗ. А не ширма ли в данном случае эта докторша? Знаете ли, иногда, чтобы дотянуться до винограда...

ЦАГУНА. Простите, это я... виноград? (Улыбаясь). А какого сорта, не скажете? Для вас я, конечно, дичок, а для него... может, даже "дамские пальчики"?! Не пробовали?! О! Такой сладкий, и почти без косточек!

ГАЙОЗ. Только не воображайте, пожалуйста, что я ревную. Я просто не хочу ронять свое мужское достоинство. Да! Знает же он, что вы моя жена... Нет, вы мне совсем не жена, но... Он же думает так? А раз так, извольте вести себя так, как подобает жене. Не вообще жене, а м о е й жене. Понятно?

ЦАГУНА. Да, но я нисколько не уронила вашу честь. Я только, между прочим, сказала, что мы, возможно, разойдемся. Ведь надо как-то подготовить общественное мнение. Довольно и того, что наш "брак" для всех был неожиданностью. Это кое-как еще можно объяснить: любили, мол, но скрывали. Но держать развод в тайне? Какой в этом смысл? Кстати, чем скорее он произойдет, тем лучше. Мы не дети, а время летит, как Пегас. Надо торопиться! Кто знает, вы, быть может, еще встретите женщину, которая покорит ваше сердце. А жениться вам нужно обязательно, иначе к старости некому будет воды подать.

ГАЙОЗ. Когда дело дойдет до "воды подать", будьте уверены, у меня хватит мужества пустить себе пулю в лоб.

ЦАГУНА. Ну, знаете... Убить себя... Какое в этом мужество? Жизнь сама по себе чепуховина. И стоит ли эту чепуховину менять на еще большую чепуху, именуемую смертью?! Кстати, вам как психологу должно быть известно, что с годами человек все сильнее цепляется за существование. (Махнув рукой). Да вы никогда и не покончите с собой. Впрочем, дело ваше, как хотите... Я лично не собираюсь ни лишать себя жизни, ни оставаться всю жизнь одна. Быть может, кому-нибудь моя жизнь... Эх, как ни говори, если девушкой никто не заинтересовался, навряд ли кто прельстится разведенной. Не всякой женщине удастся выйти замуж вторично. (Горько улыбнувшись). Хотя иногда быть в разводе — это лишний и очень важный шанс. Особенно если ты была женой, скажем, такого всеми уважаемого человека, как... мм... э-э...

ГАЙОЗ. Да-да! Как, например, Гайоз Арсенишвили. Это вам не захудалый пиит. (Подозрительно). А все-таки с какой стати он уже второй раз очутился в моей семье?

ЦАГУНА. У вас есть семья? Вы, один стул, четыре чемодана... Это и есть семья?

ГАЙОЗ (вспылив). Но он же уверен, что она у меня есть? Скажите, — только честно — он вас не оскорбил?

ЦАГУНА. Что вы! Уж очень он дохлый!..

ГАЙОЗ. Что значит "дохлый"? Раз не наглец, так уже и дохлый? А кто порвал на нем пиджак? Я ему покажу! (Направляется к выходу).

ЦАГУНА (загораживая путь). Пойдите, куда вы? Не будьте смешным! Бердо Цваришвили – самое безобидное существо. Он уви-вается только за красивыми женщинами. И каждой объясняется в любви.

ГАЙОЗ. Он и вам объяснялся?

ЦАГУНА. Сказала же: краси-ивым женщинам.

ГАЙОЗ. А разве вы... не красивы? (Подумав). Но могли же показаться ему красивой?!

ЦАГУНА. В том-то и беда: не показалась.

ГАЙОЗ. Идиот! Суперидиот!

ЦАГУНА. Кто? Я, вы или он?

ГАЙОЗ. Бросьте жонглировать словами. Этим моих подозрений не рассеете.

ЦАГУНА. К сожалению, все это чистейшая правда. Не скрою, и в школе и в институте я не раз мечтала, чтобы парни передрались из-за меня, но – уввы! – ни разу не удостоилась такой чести. А вот сегодня, если б я подзадорила вас – цвет нашей интеллигенции... Допустим, Бердо оскорбил меня – и вы бы расквасили ему нос?

Гайоз хмурится.

Не думаю. Разве я стою того, чтобы из-за меня проливалась кровь?

ГАЙОЗ (нерешительно). Стоите... (Вдруг решительно). Не вы – я, я стою!..

В квартире Гайоза темнеет.

КОМНАТА ЕЛЕНА

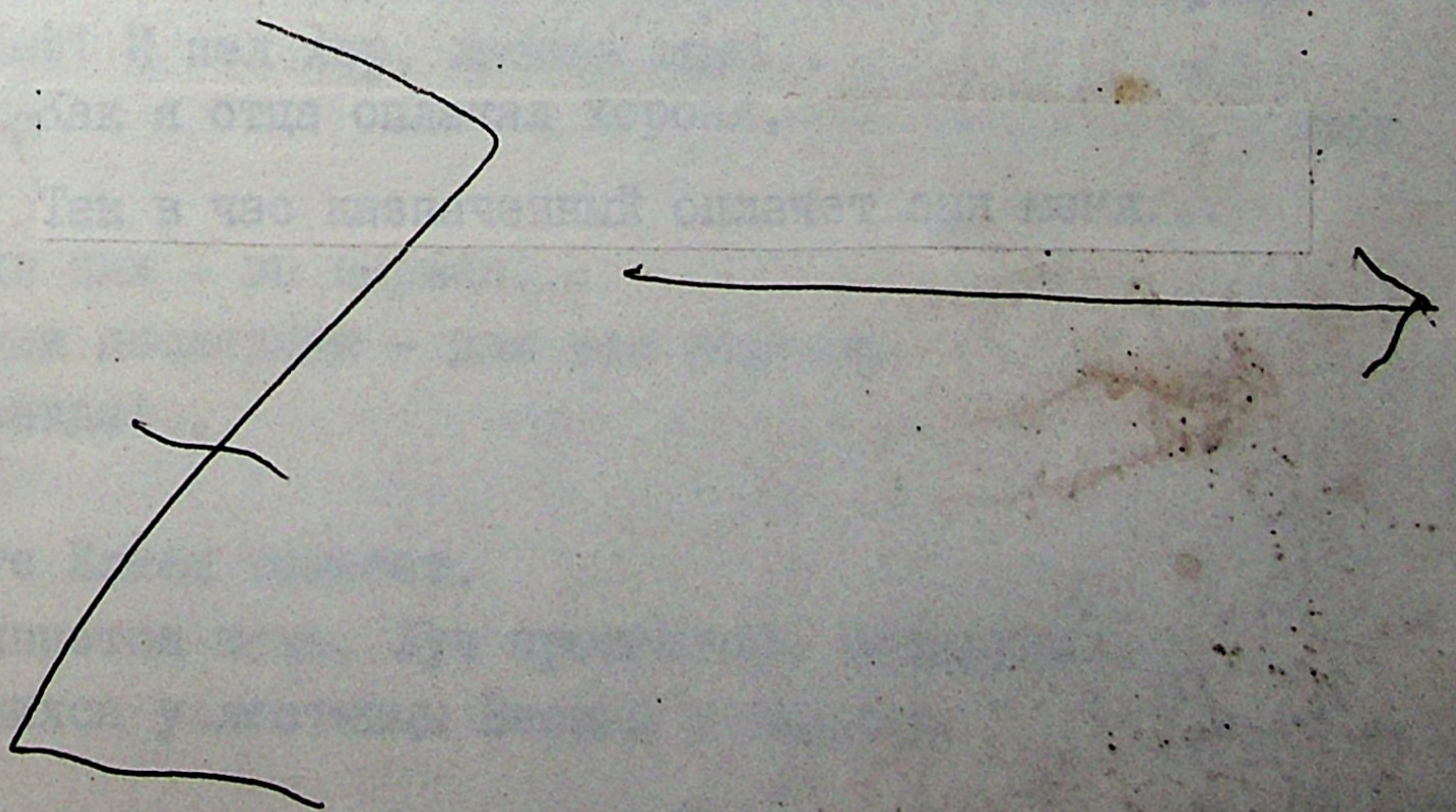
Елена, починив пиджак, отдает его Бердо.

ЕЛЕНА. Возьмите! И благодарите бога, что ребра остались целы.

БЕРДО. Спасибо!.. Спасибо-то спасибо, но ничего со мною не случилось бы, если... "Куда вы?" - увидев вас вдруг в окне троллейбуса, радостно вскрикнул, а вы в ответ по ветру бросили: "В анатомический театр..." У меня колени задрожали, как это в театр, без меня?! И я... каждому встречному... где этот... А те... "Не знаю... Не ведаем... Что-что?.." Только одна ветхая старушка... "Это при медицинском институте, сынок..." Даже не поблагодарив ее, сломя голову, помчался туда и, обессиленный от марафонской беготни, с трудом открываю пудовые дубовые двери с приглашающей дощечкой "Анатомический театр" и... О, боже, что я вижу! Люди в одинаковом одеянии - в белых халатах - весело смеются, гогочут, а две девушки при этом даже уплетают сосиски, а вокруг них... (Закрывает лицо рукою). Трупы... Трупы...

ЕЛЕНА. Да, это и есть наш анатомический театр, где трагедии и комедии разыгрываются одновременно, синхронно.

БЕРДО. Нет, не хочу я ни играть, ни быть поставленным в вашем "синхронном театре". Страшно... (С грустью).

Как я отца оплакал, хороня,
Так в час назначенный оплатит сын меня!

Это из моей новой книги, Элен! Она посвящается вам. "Любовь и рок". Каково заглавие?

ЕЛЕНА. Насквозь провинциальное. Но не в этом дело. Я не хочу связывать свою судьбу с вами. Поймите, я играю в Анатомическом театре. На моей совести три жизни. Хватит!

БЕРДО. Да не бередите вы старые раны. Возможно, судьба, устранив других, припрятала вас для меня.

ЕЛЕНА. Вы циник.

БЕРДО (покачав головой). Я всего-навсего дитя своего времени... Когда ложь, лицемерие, двоедушие, фарисейство стали нормой жизни; когда лучшие человеческие свойства вызывают ироническую улыбку; когда все стремятся урвать побольше незаслуженных благ; когда обитатели Земли дрожим в ожидании атомного конца света!.. (Изменив тон). И пока мы еще видим, Элен, солнце и звезды, — снимите траур! Оденьтесь в платье цвета спелой мирабелли! О-о, как не терпится мне повидать ваш родной цветущий край, где так много этой мирабелли, и где даже давние супруги говорят друг другу "вы".

ЕЛЕНА. Кто это вам сказал?

БЕРДО. Не говорите, что это не так. Не я, пусть кто-то другой живет возвышенно. Жизнь должна быть многоцветной, Элен! Как радуга! Как заря!.. Жизни нужны краски, много красок! Одним цветом — пусть даже красным — не насытишь сердца, не порадуешь глаз. (С пафосом). Мы должны обвенчаться, Элен! Чтобы горело много-много свечей! И пел хор, любовь моя!..

ЕЛЕНА. Да бросьте! Вы любите одновременно не менее двухсот женщин.

БЕРДО. Среди них — вы первая...

ЕЛЕНА. Каждая последняя — для вас первая.

БЕРДО. Неправда!..

В комнате Елены темнеет.

Подкрадывается ночь. Луч прожектора обнаружил притаившихся у лестницы Васико и Марику.

ВАСИКО. Утром к Антиофе пришли гадать три девушки – выйдут ли они замуж? Оказывается, это не так просто. Так вот, когда я на тебе женюсь, ты будешь рада?

МАРИКА. Мм... Буду.

ВАСИКО (со скрытой угрозой). А мужчин разглядывать... на улице будешь?

МАРИКА. На улице? Нет...

ВАСИКО. А на рынке?

МАРИКА. Тоже нет.

ВАСИКО. В театре?

МАРИКА (вздыхнув). Что ж, и на сцену нельзя смотреть? Эх, сколько ни болтают о женской свободе, а женщина так и остается...

ВАСИКО. Ну, ну? Кем она остается? Вам свобода нужна для флирта. Предупреждаю, я тебе такой свободы не дам. Магомет не напрасно надел на вас мешковину. Знал, что делал. (Силой привлекает ее к себе).

КВАРТИРА ГАЙОЗА

ГАЙОЗ (тревожно глядит в окно). Да где ж она шляется до сих пор? И телефона нет поблизости – позвонил бы в милицию. А вдруг попала под машину?! Жена она мне или не жена, а все-таки человек! Если не на шее висит, то в паспорте записана! Черт подери, сколько возни с этой квартирой! Уж не лучше ли было получить одну-единственную комнатуху-ракушку и жить себе тихо и мирно, как улитка? Тем более я так свыкся с теснотой, сейчас мне даже как-то жутко в этих... апартаментах. (Прошелся). Ой, как есть хочется! Даже кошатину слопал бы, поджаренную на крысином жире... (Открывает чемодан). Съедобного – ни крошки. Вот вам ученая супруга! Пойди и грызи ее кандидатскую диссертацию! Презенс – перфект – конюнктив!... (Взяв книгу о кулинарии, тоном официанта). Вы можете у нас очень вкусно поужинать. Хотите осетрину на вертеле? Пожалуйста, вот вам осе... (Вырывает лист и подносит ко рту; вдруг хохочет, но тут же, опомнившись, хватается за голову). Я, кажется, схожу с ума... (Смотрит на часы). Скоро половина десятого... Пусть совсем не приходит, лишь бы жива была. (Посмотрев на потолок, начинает тихонько мурлыкать – постепенно намечается мотив

песни "Аполлона", затем как-то сами собой приходят слова, и он поет во весь голос).

Появляется Цагуна. Гайоз смущенно умолкает.

ЦАГУНА. Вы, видать, в прекрасном настроении.

ГАЙОЗ. О да... Гм! Зачем вы торопились?

ЦАГУНА. А что, пришла слишком рано?

ГАЙОЗ. Интересно, где ^{же} вы все-таки до сих пор шли... болт... мм... гуляли?

ЦАГУНА. Из института забежала к Елене, в клинику.

ГАЙОЗ. К окулисту? Глаза у вас такие красные...

ЦАГУНА. О, я так плакала!..

ГАЙОЗ. Когда? Где?

ЦАГУНА. На панихиде.

ГАЙОЗ. На какой еще панихиде?

ЦАГУНА. Вы же утверждали, женщина не по стадионам должна бегать, а ходить на па...

ГАЙОЗ. Да, но... На чьей же вы были панихиде?

ЦАГУНА. Кто его знает! С таким трудом разыскала в старом городе одного бедного, невзрачного покойника!

ГАЙОЗ. И вы оплакивали чужого покойника?

ЦАГУНА. К счастью, своих пока нет.

ГАЙОЗ. Но как вы ухитряетесь лить слезы по заказу?

ЦАГУНА. Научить? Пожалуйста! Берете мочку уха и тянете ее вниз сантиметра на два. Вот так... (Дергает себя за ухо, ревет).

ГАЙОЗ (в крайнем изумлении). Господи помилуй, что это? Разве она нормальная? Я вас спрашиваю, люди, эта женщина нормальная? Да кто ж на ней женится?

ЦАГУНА (навернулись слезы). Даже и ни черт и ни дьявол?!

Часы бьют один раз.

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

Солнце ярко освещает весь дом. Бросается в глаза перемена на нижнем этаже: в каждой комнате новая красивая мебель, люстры и бра; книги примостились на полках.

Елена на черное платье примеряет белое.

У Антиофы накрыт праздничный стол. В середине стола расположена ваза с красными, синими, зелеными и бледно-желтыми яйцами. Хозяйка внимательно слушает гостя.

ЯСОН (с полным бокалом в руке). "Возлюби ближнего своего, как самого себя", — не знаю, с какой страницы, но этот лозунг: из Библии. И вы, многоуважаемая Антиофа, всегда готовы ради ближнего сложить голову... на подушку. Шутки в сторону, признавайтесь, сколько у вас золота? Полпуда будет?

АНТИОФА. О, гораздо больше!.. Даже собственной сберкнижки нет, голубчик. Приходится любоваться чужой. Да и как не любоваться? (Достала из столика сберкнижку, протянула Ясону).

ЯСОН (листает книжку с конца). "Сорок пять тысяч рублей шестьдесят три копейки"... Это что, старыми деньгами?

АНТИОФА. Кто нынче на старые считает?!

ЯСОН. Я считаю. Солиднее звучит. (Углубляется в книжку). Внесено пять тысяч... То есть пятьдесят тысяч... Взято сто десять рублей... Внесено семь тысяч... тринадцать тысяч... Внесено, внесено, внесено... Остаток сорок пять... то есть четыреста пятьдесят тысяч рублей... (Выпучив глаза). Полмиллиона!!!

АНТИОФА. Почти.

ЯСОН. Чьи это деньги? Антиофа! Чьи это деньги? (Читает на книжке). "Киркитадзе Василь Доментьевич". Кто это?

АНТИОФА. Да тот юноша, что у меня живет.

ЯСОН. Откуда ему привалило?

АНТИОФА. Лавровый лист...

ЕЛЕНА (входя). Уважаемая Антиофа! (Заметив Ясона). Ах, простите... (Антиофе, шепотом). Цагуны и сегодня не было.

АНТИОФА. Точно?

ЕЛЕНА. Уже три дня... никто ее не видел в наших краях. Неужели они всерьез поссорились и расходятся?!

АНТИОФА. Надо погадать.

ЕЛЕНА. Ну, вам и карты в руки.

Гайоз возвращается к себе домой, в руках у него связка книг и букет сирени.

(Прислушивается). Пришла!.. Хотя нет, это не Цагуна! Это он! Чувствуете, как дом дрожит? (В пол, простодушно). Скажите, пожалуйста, Цагуна дома?

ГАЙОЗ (выдержав паузу, ворчливо). Ннет...

ЕЛЕНА. Когда же она придет?

ГАЙОЗ. Гм...

ЯСОН (Антиофе). Ну, на кой черт этому молокососу столько денег?

АНТИОФА (взяв у него книжку, положила на столик). Не беспокойтесь, применение найдется. Он — парень деловой.

Елена уходит к себе, напевая песню об Аполлоне, которой не видать конца. Она явно выводит Гайоза из терпения.

ГАЙОЗ. Аполлон да Аполлон... Неужели эта чертова кукла не знает ничего другого?

По всему дому раздается оглушительный звук, похожий на выстрел.

ЕЛЕНА (торжественно). Где-то прикончили неверную жену!

ЯСОН (флегматично). Да нет! На восьмом этаже воду спустили в клозете.

ЕЛЕНА (в пол). Уважаемый Гайоз, не сердитесь на меня. Клянусь святой Ниной, это не я пальнула из пушки.

На втором этаже темнеет.

В квартире Гайоза раздается звонок.

ГАЙОЗ. Это уж она!.. (Спешит в переднюю и возвращается разочарованный, с Бердо).

БЕРДО. Благодарю, вы очень любезны. (Оглядывается). А где Цагуна? (Направляется в другую комнату).

ГАЙОЗ. Позвольте, куда вы? Там спальня. Будуар!

БЕРДО. Ах, будуар?! Прошу прощения. Я рос в интернате — этикету нас не обучали. Мне очень нужна Цагуна. У меня к ней важная просьба. Надеюсь, не откажет.

ГАЙОЗ. А почему вы так надеетесь? Вы знаете, чья она жена?

БЕРДО. Еще бы! Я даже завидовал вам.

ГАЙОЗ. Гм! Стало быть, по-вашему, я недостоин ее?

БЕРДО. Вы меня не так поняли. Я как холостяк завидовал вашему счастью, но теперь, слава богу, исцелился от этого постыдного чувства. Нынешний день войдет в мою биографию как один из самых радостных: сегодня мы с Еленой венчаемся.

ГАЙОЗ. В церкви?

БЕРДО (восторженно). А то где же? Представьте — пламя сотен свечей, блеск и звон венцов! Невеста в платье до пят — до пят! — а не с голыми грязными коленками! Над нами — купол в ангелах! Перед нами — лик богоматери с младенцем! Вокруг пахнет ладаном, а божественное пение возносится к небесам. И нигде, нигде замызганного, в пятнах красного сукна! (Обычным тоном). Я хочу попросить Цагуну быть подружкой невесты. Буду счастлив, если и вы разделите мою радость. Она, конечно, несравнима с вашей, но...

ГАЙОЗ. Почему вы так думаете? Возможно, ваша радость гораздо больше моей.

БЕРДО. Нет! Елена, в сущности, выходит замуж за мою поэзию. Это... и отрадно и прискорбно. А вот Цагуна... Она о вашей научной деятельности, кажется, понятия не имеет — любит вас самого. Впрочем, вы любите друг друга одинаково сильно.

ГАЙОЗ (со скрытой иронией). О-очень сильно.

БЕРДО. И вот, когда у хорошего человека большая радость, он всегда ею поделится. Могу ли надеяться, что пожалуете?

ГАЙОЗ. В загс — вряд ли, а в церковь... постараюсь. Зрелище все-таки.

БЕРДО. Благодарю. До свидания. (Уходит).

Гайоз что-то напевает сквозь зубы, рассматривает

мебель, садится в кресло, словно пробуя, мягко ли оно.

Входит Цагуна.

ГАЙОЗ (встает, сдержанно). А...

ЦАГУНА (почти официально). Вы не лежите? Получила вашу записку... Что у вас болит?

ГАЙОЗ. Да так, ничего особенного. Просто все спрашивают — куда вы дели вашу супругу? Только что приходил тот "знаменитый лирик". Просит вас быть подружкой на его свадьбе.

ЦАГУНА. Подружке полагается быть незамужней.

ГАЙОЗ. Да?! Не знал. Мм... Вы ничего нового здесь не замечаете?

ЦАГУНА (оглядываясь). Нет.

ГАЙОЗ. Гм!

ЦАГУНА. Опять это "гм"!

ГАЙОЗ. Попробуйте не охнуть. Я всю квартиру новыми вещами набил, а вы...

ЦАГУНА ("заметила" вещи, равнодушно). А-а...

ГАЙОЗ. Накупил слишком много. Раньше я упражнялся совершенно свободно, а теперь негде развернуться. Что-нибудь да заденешь. (О мебели). Вам нравится?

ЦАГУНА. Ну, раз выбрали вы... Только, знаете, стол теперь посередине не ставят. Это уже немодно. Надо поставить... вот так! (Старается сдвинуть стол).

ГАЙОЗ (отстраняя ее). Уберите руки! Не выношу глупых женщин, даже голубоглазых.

ЦАГУНА. Не думала, что вы такой могучий...

ГАЙОЗ. Скажите пожалуйста! У "Маруськи" сила?! А стоит ли вам улыбаться? У вас редкие зубы.

ЦАГУНА. Спасибо. Чем еще порадуете?

ГАЙОЗ. Подумаешь! Мода на расстановку столов! Как хочу, так и ставлю. И стол мой, и квартира моя!

ЦАГУНА. Ваше счастье, что вы "женились" на глуповатой особе. Другая, поумнее, будьте уверены, отобрала бы у вас половину... И движимого и недвижимого!

ГАЙОЗ. Этого и от вас можно ожидать. Женщина, разорвавшая уникальную...

ЦАГУНА. Вам бы только ссориться! Вы и сейчас для этого меня позвали?

ГАЙОЗ (неожиданно смиренно). Я почему-то вообразил, что сегодня ваши именины.

ЦАГУНА. Мои? Сегодня? Нет. Да и вообще их никогда у меня не бывает — имя у меня такое. Нас было семеро детей. Отцу было не до того, чтобы каждый месяц задавать пиры.

ГАЙОЗ (решительно). Меня это не интересует. И потом... у вашего отца было семеро, а у меня вы... одна. Короче: сегодня день ангела Цагуны! И вообще... Отныне каждое пятнадцатое апреля будет днем ваших именин. Так устанавливаю я! И баста! (Подает ей небольшую коробочку).

ЦАГУНА (достает из нее жемчужное ожерелье). Какая прелесть! (Примеряет).

ГАЙОЗ. Помочь вам?

ЦАГУНА. Боюсь ниточку порвете. У вас такие большущие пальцы..

ГАЙОЗ. Разве у меня такие неуклюжие лапы?

ЦАГУНА (мягко). Я сказала — пальцы.

Гайоз надевает ей на шею ожерелье и невольно обнимает за плечи.

(Вырывается). Как вам не стыдно? Возьмите свои побрякушки! (Бросает ожерелье в кресло). Я вас не-на-вижу! Даже как фиктивного мужа.

ГАЙОЗ (опустив голову). Простите, я случайно... Да это был, кажется, не я... (Медленно выходит).

ЦАГУНА (после паузы). Ой, господи, могла ли я подумать, что Гайоз Арсенишвили когда-нибудь уйдет от меня посрамленным?! (Берет ожерелье). У меня и сейчас такое ощущение, словно он все еще обвивает меня своими ручищами. Как приятно!.. (Тихо переспрашивая себя). Что? Сегодня день ангела Цагуны?! (Торжествующе, топая ногой). Да! Сегодня день ангела Цагуны! (Навернулись слезы). Слышите?! Сегодня день ангела Цагуны!..

Квартира Гайоза темнеет.

КОМНАТА АНТИОФЫ

Антиофа сидит за круглым столиком. Гайоз приоткрывает дверь.

ГАЙОЗ. Разрешите?

АНТИОФА (с готовностью). Пожалуйста, прошу! Садитесь.

ГАЙОЗ. Благодарю... мм... Знаете... мм... Я понимаю нелепость своего посещения. Мужчина, да еще как-то связанный с наукой вдруг обращается за помощью к гадалке. Но что поделаешь, когда...

АНТИОФА. Знаю: у вас нелады с женой.

ГАЙОЗ. Мм... Она меня ни во что не ставит. Хоть в воду бросайся!

АНТИОФА. Ни в воду, ни в огонь!.. Пока, во всяком случае, рановато. Смотрите на меня! Да не щурьте вы глаза, откройте пошире. Так... (После небольшой паузы). Вы ее любите?

ГАЙОЗ. Как вам сказать... Вообще-то я не знаю, что такое любовь.

АНТИОФА. Как? Вы, психолог, и не знаете, что такое любовь?

ГАЙОЗ. Любовь теоретически я, конечно, понимаю и представляю, но практически... В юности я любил одну высоченную, костлявую мельничиху – тайно, конечно, – теперь эта история всплывает в моей памяти весьма туманно.

АНТИОФА. Скажите... Жена снится вам?

ГАЙОЗ. Раза два приснилась.

АНТИОФА. А тянет ли вас домой, к ней?

ГАЙОЗ (немного подумав). Однажды даже примчался на такси.

АНТИОФА. Мда... Вы счастливый. Счастливы, что любите вообще, и счастливы вдвойне, что любите жену, а не постороннюю фифочку. (Вздохнув). К сожалению, судя по глазам, любовь ваша безответна. Жене вы не милы. Будь вы Аполлоном Бельведерским...

ГАЙОЗ (взорвался). Да к черту вашего Аполлона, и Бельведерского, и Белгородского! Я пришел к вам не за тем, чтобы выслушивать насмешки. Пришел за советом. И если вы...

АНТИОФА. Не горячитесь. И вообще вам необходимо стать помягче – иначе вы не удержите ни одной женщины, даже мусульманки из Пакистана.

ГАЙОЗ. Изменить свой характер я не могу. Это невозможно. Люди меняются только в кино, в театре, романах, а не в жизни. Я родился таким – может быть, на свою беду, – но таким и умру. (Другим тоном). Вы знаете, что сказала муха? И я хотела бы родиться пчелой, но, увы, бог создал меня мухой.

АНТИОФА. Ну, коли так... (Отходит в угол и, наполнив бокал какой-то жидкостью, подает Гайозу). Пейте, до дна!

ГАЙОЗ. Что это?

АНТИОФА (тоном приказа). Пейте!

Гайоз осушает бокал.

(Нежно). Отныне вы станете кротким и ласковым...

ГАЙОЗ (нерешительно). Я таким был всегда.

АНТИОФА. Не думала, что так быстро подействует мое зелье. (Дает ему небольшой флакон). Подлейте жене в тарелку супа. Только, смотрите, незаметно.

ГАЙОЗ. Да, но... она супов не ест. Кстати, нас и это разъединяет. Я не признаю обеда без первого, а она...

АНТИОФА. Тогда подлейте в лимонад.

ГАЙОЗ. Хорошо – попробую в лимонад. (Собирается идти, обернулся). Простите, сколько я вам должен?

АНТИОФА. Пока только "спасибо", а после, если все будет в порядке, – "большое спасибо".

ГАЙОЗ. И это все? Дай вам бог здоровья! (Готов убежать).

АНТИОФА. А спасибо?

ГАЙОЗ (в дверях). Ах да! Просто спасибо, да? Спасибо, спасибо!

АНТИОФА. Постойте... (Вертит Гайоза). Семьдесят чертей, семьдесят мастей! Отдайте Цагуну Гайозу! Отдайте Цагуну Гайозу! Семьдесят чертей... Отдайте, отдайте... Гайозу, Гайозу!.. Цагуну, Цагуну, Цагуну!.. (Крестит Гайоза). И ты помоги ему, боже!

ГАЙОЗ. Умоляю... Никому ни слова, что я был у вас. Позор! А еще говорят – любовь возвышает... Тьфу, меня-то она с землей сравнивала. (Уходит).

Входят Васико и Марика.

ВАСИКО (про Гайоза). Летит как угорелый... Что с ним, тетя Антиофа?

АНТИОФА. Да ничего, зашел просто, проведал. Сегодня такой светлый день, праздник... Вы – заниматься? Сперва поешьте. Я буду на кухне. (Уходит).

МАРИКА. Чудесная женщина. Я ее так люблю!

ВАСИКО. А я? И она меня любит.

МАРИКА. Еще бы! Такой болтун хоть кого заговорит.

ВАСИКО. Не за болтовню она меня полюбила. Я ей в беде помог. Ну ешь, не стесняйся! (С улыбкой). Мой тестюшка чуть свет явился сюда с поздравлением.

МАРИКА. Его не опередишь!

ВАСИКО. Будь он попом – даже святых не отпустил бы на небеса даром.

МАРИКА. А что он взял у тебя?

ВАСИКО. Да ничего... Хотя мои финансы от этого "ничего" и полетели вверх тормашками. На десять рублей мы сколько раз могли бы сходить в кино? Раз двадцать, не меньше. (Махнув рукой). Бог с ним! Разве его дочь не стоит двадцати кинофильмов?! (Обнимает ее).

МАРИКА. Не надо, она может войти.

ВАСИКО. Кто? Что ты, она умница – так скоро не вернется.

МАРИКА (увидев в окно). Ой, отец!.. Пусти! Он идет сюда. Сюда идет!

ВАСИКО. Зачем он следит за каждым твоим шагом?! Вот назло ему – поцелую тебя. (Целует).

МАРИКА. Отстань! У меня и так все лицо горит. Как я ему покажусь?! (Отталкивает его). Противный!.. (Уходит).

Перед домом появляется Ясон.

ЯСОН (кричит вверх). Граждане! Бывают соседи – не приведи господи! Если ты глубоко дышишь – и этому завидуют. Мой вам совет – в отместку им дышите еще глубже и ровнее!

Появляется Марика.

Гду ты пропадаешь? Отчего у тебя щеки горят?

МАРИКА. Я была... у Антиофы. Райское будущее сулит, только, говорит, поскорее замуж надо... В обществе, мол, больше веса будет.

ЯСОН. А как с женихом? Подыскала?

МАРИКА. Ищи, говорит, скромного, молодого...

ЯСОН. Я ей покажу скромного!.. Чтобы я свою единственную надежду за молодого голодранца выдал?! Все, чем-меня жизнь обошла, ты должна возместить.

МАРИКА. Да что я могу возместить? Кто я такая? Ничем не примечательная, бесталанная девчонка.

ЯСОН. Глупая! Нет ни бесталанных, ни талантливых. Есть люди — партийные и беспартийные. Я-то знаю, тринадцать лет человек в лесу работал, среди гиен и шакалов.

МАРИКА. Деньги ты и там никому не возвращал?

ЯСОН. К чему клонишь? О долге, что ли? Она закон нарушает, я покрываю, да еще...

МАРИКА. Возвращай хотя бы беднякам. Студентам, например.

ЯСОН. Студентам... Вот у Антиофы приютился какой-то сосунок, а у него, знаешь, сколько? Полмиллиона! Каков жених, а?!

МАРИКА. Подумаешь!.. Сколько раз он на меня заглядывался, а я и бровью не повела.

ЯСОН (хлопнув себя по лбу). Ну и дура! Зарезала, без ножа зарезала...

МАРИКА. А откуда ты взял, что у него есть какие-то деньжонки?

ЯСОН. Полмиллиона! Это деньжонки? Сам видел. Этими карими глазами. Антиофа показала.

МАРИКА. Ей могло померещиться.

ЯСОН. Ей ничего не мерещится. Она — черт в юбке! И о чем только власти думают? Ее не преследовать, а в милицию пригласить надо — главным консультантом. Во-о! Она бы всех скрытых жуликов за ушко да на солнышко!

Васико спустился вниз.

(Льстиво). Куда вы, уважаемый товарищ?

ВАСИКО (почтительно улыбувшись). Да я и сам не знаю... (Показывает красное яичко). Хотите, побьемся! Попробуем, чье крепче.

ЯСОН. А если ты мое разобьешь, что тогда? Не отдать — неудобно. А отдать — голодно. Яйцо рубль стоит.

ВАСИКО. Десять копеек!

ЯСОН. Это для вас десять копеек, а для меня... Да! Извините — с долгом запоздал.

ВАСИКО. Что вы! Какой там долг? Ерунда какая!

ЯСОН. Смотри для кого! Для вас, конечно, ерунда, а для меня десятка, знаете... мм... Это... моя дочь.

ВАСИКО (только теперь взглянув на Марику). Правда? (Марике). Мы с вами знакомы?

МАРИКА (опустив голову). Мм...

ВАСИКО (Ясону). Простите, это та самая... из-за которой в Европе... Я слышал от тети Антиофы.

ЯСОН. Вот-вот, та самая. Но и ты парень что надо!

ВАСИКО. Да что я? Я сопляк. Но это, ей-богу, временно. Скоро доцентом стану, а там и в профессора — раз плюнуть.

ЯСОН. Почему бы нет. Были бы деньги!

ВАСИКО. Нет, тут деньги не помогут. А вот машины без денег... ни-ни!

ЯСОН. При твоём капитале... машина... Пара пустяков!

ВАСИКО. При моем капитале?! Какой капитал вы имеете в виду?

ЯСОН. А что, нет?

ВАСИКО (ударив себя в грудь). Отцу бы не признался, а вам... Любовь так выкинула меня из русла науки, даже стипендии лишился.

ЯСОН. Вот досада! И хочется покрасоваться, да боязно. Прежде бедности стыдились и скрывали, а теперь богатство скрывают. Еще бы! Какой советский дурак скажет: "У меня полмиллиона!.." Ну, в этом деле ты, видать, совсем жеребенок необъезженный! Кто же внесит такую суммицу в одну кассу? Денежки рассовать надо и там и сям — то на свое имя, то на имя жены, можно и на имя тестя.

ВАСИКО. Эх, мне бы тестя! Я бы даже на хлеб себе не оставил — все бы ему отсчитал до копеечки.

ЯСОН (очарован; Марике). Видишь, какой умница!

МАРИКА (Васико). Если у тебя действительно есть еще что-

нибудь кроме тех четырех рублей, то ты грандиозный обманщик и лжец... И я тебя... ненавижу!

ВАСИКО. Что с тобой, Марика?

МАРИКА (в слезах). Не хочу, чтобы говорили, будто я... ради денег... за тебя...

ВАСИКО. Господи! Кому это на ум придет? Уже два года дальше третьего ряда никто нас в кино не видел.

ЯСОН. Что-что? Вы вместе шляетесь... уже два года?

Молодые люди виновато кивают.

(Марике). И ты это от меня скрывала? (Васико). Ты таскал ее по театрам, по кино, по паркам, по... по... подъездам? Ты подумал о ее репутации? (Решительно). Все! Сейчас же распишитесь! И — ни звука!

ВАСИКО. Какое мудрое решение! (Бросается Ясону на шею). Папочка!..

ЯСОН. Постой... А женитьба... не мешает учебе?

ВАСИКО. Что вы! Только тогда на круглые пятерки!

ЯСОН. Благословляю вас... Поцелуйтесь! Так! А теперь поцелуйте меня... И я вас... Вот вам и весь загс! А ну, забирай свои вещи и... книжку. Сберегательную. Быстро! (Доверительно). Только... Ну что за дерево этот лавр, не скажешь? На нем листья растут или сторублевые банкноты?

ВАСИКО. Да лавр и не дерево — куст! У нас два бо-о-ольших кудрявых куста.

ЯСОН. Вот породнились, а ты меня все еще боишься. Разве два кустика отвалили бы тебе полмиллиона?!

ВАСИКО. Сколько?! Полмиллиона? Откуда вы взяли?

ЯСОН. Ай-яй-яй! Ведьме доверяешь, а мне нет?! Поищи у себя в книжке!

ВАСИКО. Да у меня там всего...

ЯСОН. Рассказывай!..

ВАСИКО (о чем-то догадавшись). Вы что, видели собственными глазами? (Вдруг вскрикнув). Мама!.. Марика!.. Это Антиофа!.. Она во мне души не чает! "Все тебе оставляю: вещи, которые ты здесь видишь, и деньги, которых пока не видишь...".

ЯСОН. Твердил же я... Золота у нее пуды!

Все поднимаются по лестнице.

Елена в своей комнате переодевается.

Ясон, Васико и Марика входят к Антиофе.

ЯСОН. Антиофа! Антиофа!.. Благословляй!

АНТИОФА. Уже? Так быстро?

ЯСОН. Люблю оперативность!

АНТИОФА. Плодитесь и размножайтесь, дети мои! (Обнимает Марику).

Васико, войдя, сразу бросается искать сберкнижку, находит ее и, раскрыв, восклицает: "Да это же правда!" — и теряет сознание.

ЯСОН. Что с тобой? Скорей воды!..

МАРИКА (вбегает к Елене). Доктор! Спасите! Человек умирает...

Елена и Марика входят к Антиофе.

ЕЛЕНА (проверяя пульс). Не бойтесь, сердце еще работает. Вот и глаза приоткрыл. Нет, он не умрет... (Заметив, что не одета, вскрикивает и бежит к себе).

АНТИОФА. Что с тобой, мой мальчик?

ВАСИКО (слабым голосом). Спасибо вам, огромное спасибо. Вы меня осчастливили.

АНТИОФА. Я тебе только невесту отвоевала. Это... лишь начало счастья. Остального ты сам должен добиться.

ВАСИКО. Чего мне еще? На две жизни хватит нам такая куча денег.

АНТИОФА. Милый мой, этой "кучи" и до завтра не хватит.

ВАСИКО (настороженно). Как? Чьи эти деньги на книжке?

АНТИОФА. Твои, но их нет в сберкассе.

ЯСОН. Как это? Есть на книжке – и нет в сберкассе? В жизни не слышал ничего подобного!

АНТИОФА. Не век вам слушать старые песни. Послушайте и новые: любовь нехорошо разменивать на деньги.

ЯСОН. Антиофа! Коварная ты женщина!.. (Наступает на нее).

МАРИКА (удерживая). Папа!..

АНТИОФА. Отпустите... папу. Я его не боюсь. Я внесла эти "деньги"! Сама!.. Таким способом и вы можете внести сколько душе угодно. Хоть три миллиона. Только наличными оттуда и трех копеек не получишь.

ЯСОН. Ох, к ответу тебя... за подложную печать!

АНТИОФА. Какая там печать? Кто ее в книжке ставит?! Вклады выдают по карточке, до которой нам нет доступа.

ЯСОН (скрежеща зубами). Пожалуй, эта ехидна права... мм... мм... (Невнятно мычит).

МАРИКА. Тетя Антиофа! Папа лишился языка!

АНТИОФА. Это ненадолго. Появится внук – сразу заговорит.

Ясон валится на диван и жалобно стонет.

ВАСИКО. Отец!.. Второй мой отец! Любимый больше родного! Не горюйте, я вправду разбогатею. Вот повезу лавр...

АНТИОФА (треплет его за ухо). Никуда ты лавр не повезешь. Задумайся лучше о том, как заслужить лавровый венок.

ВАСИКО. Тетя Антиофа! Вы лишили меня целого состояния. Но все же вы... добрейший человек. И я рад буду пожертвовать собой ради вас, хоть я и стяжатель.

АНТИОФА. Спасибо. Тебе ничем не придется жертвовать. Кстати, никакой ты не стяжатель. Ты еще юн, а благородный пример тебе не с кого брать. Вокруг одни процветающие ничтожества. (Обратив внимание на Ясона). Ясон, Ясон! Скажите что-нибудь! Ну, хотя бы "а-а...".

ЯСОН (с трудом). К...к...колдунья...

АНТИОФА (с усмешкой). Ты прав, мой дорогой! Бабка была у меня колдунья. И я немножко колдунья. Я делаю талисманы, варю

чудодейственные зелья, освобождаю от дурного глаза. Гадаю по руке, по глазам, на воде...

ЯСОН. В...в...выселю!..

АНТИОФА. Куда? Дальше того света ведь не выселишь?! А туда мне и так пора. Уверяю, по этому свету горевать не стану. Ничего у меня здесь не остается – ни золота, ни камней драгоценных. Никогда я их не собирала. Одного хотела: посеять среди людей радость и добро.

ЯСОН. Ты... добро... посеешь... Чертова гадалка!

АНТИОФА (смеясь). Я артистка!

ВАСИКО. Вы... артистка?!

МАРИКА. Как это, тетя Антиофа?

АНТИОФА. Тетя Анетта... Анетта Нинуа!.. До сих пор я играла в провинции. Не потому ли у вас более известна ворожея Нинуа?!

ЯСОН. Все равно, чертовка ты, чертовка!..

АНТИОФА. В этом доме можно прикинуться кем хотите. Для этого большого актерского таланта и не требуется. Каждое слово слышно, каждый шорох доносится. Дай бог, друзья, чтобы мой дебют в Театре Руставели прошел так же успешно.

МАРИКА. А кого вы играете, тетя Анетта?

АНТИОФА (смотрит на Ясона, слегка поддразнивая его). Гадалку, про-ро-чи-цу!

ЯСОН (посмотрев на икону). Да отвратит от тебя свою милость. Кто там? Божья мать или... Иоанн Креститель? (Махнув рукой, Марике, хмуро). Пошли!

Марика берет под руку Васико.

А его куда?

ВАСИКО. Вы же благословили нас, папуля?

ЯСОН. "Папуля"...

МАРИКА. Заставил поцеловаться, и сам нас расцеловал – вот, мол, вам – загс. А теперь хочешь развести нас? Я скорее себе горло бритвой перережу...

Антиофа, вскрикнув от ужаса, закрыла лицо руками.

ЯСОН (Антиофе). Будь ты неладна! (Марике). Марш отсюда! (Васико). Забирай свои пожитки. (Берет с постели большую подушку).

ВАСИКО (обеспокоенно). Папа! Это... не моя подушка.

ЯСОН. Что? У тебя и подушки нет? Ты и спать... на моей подушке? Ммиллионер!.. (У него заплетается язык).

АНТИОФА (протягивая Васико подушку). Раз ему так нравится... Возьми, как свадебный подарок от меня.

Ясон удаляется, невнятно бормоча проклятия. Молодые люди на прощание целуют Антиофу и, помахав ей, спускаются по лестнице.

ВАСИКО (напевая, отбивает такт на подушке).

Кудрявый я мальчишка,
 Зовусь я Васикела,
 Мне голову вскружила
 Девчонка Марикела...

Елена, которая все это время наряжалась в подвенечное платье, смотрит им вслед из окна.

ЕЛЕНА. Те, кому повезло, — выскочили замуж, а кому нет — сидят на отцовской шее.

Прихрамывая, входит Бердо, в перепачканном черном костюме, голова забинтована, в левой руке — букет роз, правая — на перевязи. Увидев его, Елена бежит вниз: "Боже мой, боже мой!.."

БЕРДО. Вряд ли я выживу, душа моя... Как рой ос, налетели на меня кровожадные мальчишки. Кто палкой, кто ранцем, кто кулачками... Еле ноги унес... Да, сбылась, кажется, моя мечта... "Я умереть пришел у ног твоих...".

ЕЛЕНА. Вот и четвертый!.. Я же умоляла оставить меня! Вот

знала, что и этот роман, как и все предыдущие, окончится трагически. Ой, господи, все, кого постигает несчастье, хоть недолго, но бывают же счастливы?! А я? Неужели я так грешна, что нельзя мне поносить белое платье хотя бы на один короткий апрельский денек?!

БЕРДО (еле слышно). Платье цвета мирабели...

ЕЛЕНА (со вздохом). Ну что делать теперь с его головушкой?! Прости меня, отчизна!.. (Поддерживая, ведет Бердо).

АНТИОФА (в окне, с грустью). Вот тебе и венчание при свете сотен свечей!.. Как я была бы рада, если б мои гадания не сбылись.

КВАРТИРА ГАЙОЗА

Цагуна и Гайоз сидят за столом, который не блещет праздничным обилием; посередине букет сирени.

ЦАГУНА (о сирени). Это вы купили?

ГАЙОЗ (с натянутой веселостью). Я... для вас... Гм...

ЦАГУНА (передразнивая). Гм...

ГАЙОЗ. Так, с языка сорвалось... Стараюсь отвыкнуть. (Пододвигает ей полный стакан лимонада). Выпейте еще! Приятный, по моему, лимонад — не приторный. Специально купил утром.

ЦАГУНА (с насмешливым кокетством). Для меня?

ГАЙОЗ. Мм... Для вас. Сегодня ведь пасха.

ЦАГУНА. Слава богу, Христа распяли не женщины.

ГАЙОЗ. Возможно, только... Я еще не встречал ни одной нормальной женщины.

ЦАГУНА. И не ищите. Вам все равно ее не найти. (Жест на связку книг). И эти книги тоже утром купили?

ГАЙОЗ. Да.

ЦАГУНА. Вы слишком тратитесь на разную макулатуру. Больше не приносите, не то я вышвырну за окно...

ГАЙОЗ. Меня или... макулатуру?

ЦАГУНА. Шутки шутками, а я свою миссию в этом доме считаю законченной. (Встает). Пора нам разойтись. Я не хочу обманываться

и не хочу обманывать вас. Конечно, ни один из нас не является букетом одних душистых роз. И все-таки мне больно уходить, не услышав от вас ни одного приятного слова. Прощайте!

ГАЙОЗ. Куда вы торопитесь?

ЦАГУНА. Прощайте. (Протягивает ему руку).

ГАЙОЗ (разглядывая ее руку). Маникюр... Какого ужасного цвета!

ЦАГУНА. Ненавижу мужчин, даже гениев, которые вмешиваются в сугубо бабьи дела.

ГАЙОЗ. Не вмешайся мы — вас трудно было бы отличить от сорок. Ну вот, хотя бы вы... На что похожи ваши губы?

ЦАГУНА. А что вы хотите? Женщина в двадцать восемь лет уже не может полагаться на одну природу — пора ей привлечь на помощь и искусство.

ГАЙОЗ. И поэтому надо мазаться собачьим салом, которое капает как... (Решительно). Сотрите!

ЦАГУНА. Что вы на меня орете? (Вспылив). Да кто вы такой?

ГАЙОЗ. Я сын своего народа, и у меня сердце кровью обливается, когда вижу, что девушки моей родины уподобляются обезьянам... Думаете, вам идет эта краска?

ЦАГУНА (вызывающе). Идет!

ГАЙОЗ. Нет! Сотрите!

ЦАГУНА. И не подумаю! Хватит и того, что я ради вас удлинила платье.

ГАЙОЗ. Сотрите, говорю вам!

ЦАГУНА. Нет и нет!

ГАЙОЗ. Ах, так!.. (Крепко обхватив ее, стирает платком помаду и целует).

Цагуна почти не сопротивляется.

(Пристыженно). Так вам больше идет... Посмотритесь в зеркало.

ЦАГУНА. Мое зеркало — ваши глаза.

ГАЙОЗ. И что же? Что вы видите в моих глазах? Салют вашей победе?!

ЦАГУНА. Я сюда приходила как преподавательница... А вы...
Нет, я подам на вас жалобу в ректорат!

ГАЙОЗ. Пожалуйста! Я пошлю им документ.

ЦАГУНА. Какой... документ?

ГАЙОЗ (показывает брачное свидетельство). Хотите – отнесите сами.

ЦАГУНА (взглянув на бумагу, нервно). Да вы же не муж мне, не муж!..

ГАЙОЗ (машет свидетельством). А это что?

ЦАГУНА (спокойно). Я ваша фиктивная жена.

ГАЙОЗ. Вы и были фиктивной, пока не любил...

ЦАГУНА. А теперь что, полюбили?

ГАЙОЗ (монотонно). Если считать любовью то, что вы начисто изгнали из моей головы все мысли, и что теперь я думаю только о вас, и что ваш казавшийся мне некогда писклявым голос звучит ныне для меня словно райская музыка, и что ваши редкие зубы уже кажутся мне похожими на жемчужины, – то тогда... я полюбил вас. Признаться, не думал, что любовь может принести столько страданий. Что ж, их можно вытерпеть, лишь бы вы питали ко мне уважение, хоть малейшее. Недавно на одном званом обеде тамада вроде бы шутливо обратился к гостям: "Да подымет руку тот, кому жена не изменяет!" И среди стольких мужчин смелее всех – и первым! – поднял руку я, холостяк... Хочется и впредь так же уверенно поднимать руку... Не лишайте меня этой радости... Я человек, может быть, трудный, непокладистый, не выношу фальши и лицемерия; в своей среде чем-то выделяюсь, поэтому и врагов у меня хватает. Не унижайте меня в их глазах!

ЦАГУНА. Не унижу... Даже если б я не любила вас, не унизила бы. Вы не верите женщинам. Не буду спорить, возможно, они и впрямь не очень достойны доверия... Конечно, нехорошо, когда женщина говорит о женщинах так... Это все равно что взрывать крепость изнутри. И с моей стороны это подло и низко, но что делать, если не ангел я! Да, я не ангел, и все же постараюсь так постараться, так постараться... не отравлять вам жизнь. Она и так коротка... Вы будете моим властелином... (Просит руку)
Пусть даже грозным, только... Умоляю вас, не сердитесь

без причины. Я люблю, когда ваши глаза мечут молнии, но раскатов грома боюсь, как цикада... Не знаю почему, но я что-то сильно убеждена, что цикада вся трепещет, когда Илья-пророк громыхает по небу на своем несмазанном тарантасе. (Другим тоном). А знаете, почему вы меня полюбили? Я не хочу скрывать от вас чего-либо... Я напоила вас волшебным снадобьем Антиофы.

ГАЙОЗ. И я напоил вас ее элексиром, однако...

ЦАГУНА. И вы думаете, что он не помог? (Робко его обнимает).

ГАЙОЗ. Поцеловать вас?

ЦАГУНА. Долго ли мы еще будем на "вы" — как английская королевская чета?

ГАЙОЗ. Поцеловать... тебя?

Цагуна медленно кивает, Гайоз целует ее.

ЦАГУНА (нежно). Марусенька ты моя... Что женщине надо для счастья?!.. (Целует его).

ГАЙОЗ (кричит вверх). Большое спасибо вам, большое спасибо! (Подхватывает Цагуну на руки и бежит с нею к Антиофе).

Вскоре к Антиофе входят и Елена с Бердо.

АНТИОФА. Что случилось?

ГАЙОЗ. О дорогая Антиофа! Мы полюбили друг друга!

ЦАГУНА. Уж-жасно полюбили...

АНТИОФА. "Уж-жас-но" — это хорошо! Впрочем, чему удивляться, я же дала вам выпить две дозы — две дозы! — розовой воды!

БЕРДО. Какой воды? Розовой? Вы удивительно добрая фея, уважаемая Антиофа! (Обняв Елену). Дайте и нам выпить...

ЕЛЕНА. Хотя бы одну дозу! Только одну дозу...

ГАЙОЗ (в раздумьи). Розовая вода... И в этом все ваше чудодейство?

АНТИОФА. Взгляните, как красивы эти крашенные яйца! И попробуйте! Они покажутся вам гораздо вкуснее некрашенных.

ЦАГУНА. А почему?!?

Часы начинают бить...

10